

**Автономная некоммерческая организация высшего образования
«Поволжская академия образования и искусств
имени Святителя Алексия, митрополита Московского»**

Кафедра филологии

Направление подготовки 45.03.01 Филология
Направленность (профиль) «Отечественная филология (русский язык и литература)»

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

на тему:

«Христианские мотивы в русской поэзии первой половины XIX века: опыт историко-филологического комментария»

Выполнил(а) студент(ка)
4 курса группы ОФ-401
очной формы обучения
Гладилина Юлия Павловна

(подпись)

Научный руководитель
Ильин Александр
Анатольевич,
кандидат филологических
наук, доцент

(подпись)

Допустить к защите:
Заведующий кафедрой

Л.Ю. Фадеева

(подпись)

«__» _____ 2022г.

Тольятти
2022

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. Лирика первой половины XIX века в историко-литературном контексте	11
1.1 Основные тенденции и закономерности развития русской литературы первой половины XIX века.....	11
1.2. Циклизация лирики по М.Н. Дарвину	20
1.3. Специфика лирики как рода литературы	22
1.4.Религиозный аспект русской поэзии в историко-филологическом осмыслении.....	25
Выводы	28
ГЛАВА 2. Русская лирика первой половины XIX века: духовно-нравственные поиски и религиозные откровения	30
2.1. Провиденциальный смысл поэмы В.А. Жуковского «Орлеанская дева»	30
2.2. Лирика Жуковского: взаимодействие языческих и христианских мотивов и образов.....	34
2.3. Лирика Пушкина: нравственная проблематика и духовные искания	40
2.4. История души человеческой: религиозные мотивы в лирике М.Ю. Лермонтова.....	49
Выводы	56
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	59
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	62

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая научная работа посвящена исследованию религиозных мотивов и образов в лирических произведениях поэтов первой половины XIX века: В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова.

Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью программных для русской лирики произведений в религиозном аспекте.

Религиозная составляющая является неотъемлемой частью поэзии первой половины XIX века. Многие лирические произведения, такие как поэма В.А. Жуковского «Орлеанская дева», стихотворения «Каменноостровского цикла» А.С. Пушкина, стихотворения М.Ю. Лермонтова «Смерть», «Мой демон» и «Унылый колокола звон» остаются малоизученными, поскольку традиционного историко-литературного анализа не достаточно для того, чтобы в полной мере понять религиозное содержание лирических шедевров русской классики.

В процессе исследования мы обращаемся к образам Священного Писания, к опыту подвижников благочестия, к некоторым важнейшим церковным и научным источникам, в частности, к историко-филологической работе И.М. Андреева «Русские писатели XIX века». Осмысление этих источников позволяет создать основу для герменевтического анализа выбранных лирических произведений в религиозном аспекте.

Как известно, программные лирические произведения В.А. Жуковского, такие как элегия «Море», баллада «Людмила» достаточно подробно изучены и прокомментированы. Однако о поэме Жуковского «Орлеанская дева» не написано ни одной монографии, статьи исследователей русской литературы о поэме также найти не представляется возможным. Единственным исследованием о рецепции образа Жанны Д'Арк в русской культуре остается труд Д.М. Буланина «Жанна Д'Арк в России. Исторический образ между литературой и пропагандой», в котором исследователь говорит о том, как исторический образ в литературе приобретает политическую окраску. Тем не менее, Д.М. Буланин в своем труде не упоминает поэму В.А. Жуковского

«Орлеанская дева», а обращается к первоисточнику – одноименной пьесе Ф. Шиллера. Исследовательских работ, посвященных конкретно анализу поэмы В.А. Жуковского в религиозном аспекте, не написано.

Такие произведения В.А. Жуковского, как баллада «Светлана» и элегия «Море» получили подробное освещение в исследовательских трудах, полемика между историками русской литературы советского периода и современными литературоведами в высшей степени актуальна: она открывает новые научные перспективы. Так, например, исследователи советского периода сознательно уходят от анализа произведений в религиозном аспекте, избегая лексику, характерную для христианства.

Широко известные лирические произведения А.С. Пушкина, такие как стихотворения «Пророк», «Отцы пустынноики и жены непорочны» в определенной степени изучены, однако нуждаются в детальном анализе с религиозной точки зрения. Циклическим формам творчества Пушкина также посвящен труд М.Н. Дарвина «Циклизация в творчестве Пушкина», где рассматриваются циклы «Подражание Корану», «Песнь западных славян», но не рассматриваются стихотворения «Каменноостровского цикла». Мы можем предположить, что цикл остался за пределами исследования в силу того, что сам А.С. Пушкин не задокументировал стихотворения, как отдельный цикл, поэтому в литературоведении цикл принято считать издательским, то есть объединенным не самим поэтом, а его редактором и издателем.

Такие глубокие по своему христианскому смыслу стихотворения, как «Когда великое свершалось торжество» и «Как с дерева сорвался предатель ученик», входящие в «Каменноостровский», или «Евангельский» цикл, остались за пределами исследовательских работ. В настоящее время циклу посвящена работа Галины Седовой «Ему было за что умирать у черной речки», в которой исследователь дает филологический комментарий в религиозном аспекте стихотворениям с явным христианским смыслом.

Лирические произведения М.Ю. Лермонтова экспрессивны по выражению своего религиозного чувства, поэтому многие ключевые для

понимания духовных исканий поэта стихотворения остались без должного религиозно-философского комментария. Такие стихотворения, как «Смерть», «Унылый колокола звон» и «Мой демон» получили филологический анализ в религиозном аспекте только в труде литературоведа и историка церкви М.И. Андреева «Русские писатели XIX века». В очерках исследователь связывает биографию и творческий путь поэта воедино и убедительно показывает, как художественные поиски Лермонтова находят отражение в своеобразном лирическом образе, который заключает глубокий религиозный смысл. Однако специальные исследования, посвященные изучению лирики Лермонтова в религиозном аспекте, всё-таки не стали доминирующими в историко-филологической науке.

Исходя из этого, объектом исследования бакалаврской работы будет являться поэзия первой половины XIX века в религиозном аспекте, на материале творчества В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова.

Предмет исследования – религиозные мотивы и образы, заимствованные из православной богослужебной традиции или из текста Священного Писания.

Соответственно, цель бакалаврской работы – осмысление творчества русских поэтов первой половины XIX века в религиозно-философском аспекте, выяснение места и значения духовной традиции в историко-литературном процессе.

Для последовательного и, главное, концептуального достижения цели были сформулированы следующие задачи:

1. изучить исторические особенности и условия развития русской литературы первой половины 19 века;
2. осветить существующие литературоведческие точки зрения на развитие указанного периода в русской литературе;
3. собрать и систематизировать историко-литературный материал по теме заявленного научного исследования;
4. изучить литературоведческие источники, посвящённые изучению религиозного аспекта в истории русской литературы;

5. подготовить историко-филологический комментарий мало известных лирических произведений XIX века, раскрывающих их творческий потенциал.

Теоретико-методологическую базу исследования составили: труды А.Н. Веселовского, А.А. Потебни, М.М. Бахтина, М.Ю. Лотмана, теория лирики как рода литературы Л.Я. Гинзбург, исследования М.Н. Дарвина, посвященные художественной циклизации лирических произведений; монография В.Д. Сквозникова, посвященный тому, какое место занимает религия в русской поэзии и какое влияние на неё оказывает.

В ходе исследования были использованы следующие методы литературоведческого исследования: историко-филологический, герменевтический, сравнительный, типологический.

Научная новизна данной работы заключается:

- 1) в обращении малоизученного творчества В.А. Жуковского (поэма «Орлеанская дева»);
- 2) в поиске религиозных мотивов в каменноостровском цикле А.С. Пушкина;
- 3) в рассмотрении программных лирических произведений М.Ю. Лермонтова в религиозно-философском аспекте;

Теоретическая значимость работы заключается в том, что материалы, полученные в ходе исследования, могут быть использованы для дальнейших научных работ.

Практическая значимость работы в том, что её материалы могут быть использованы на уроках литературы в школе и вузе.

На защиту выносятся следующие положения:

1. христианские мотивы являются художественной доминантой в лирических произведениях поэтов первой половины XIX века;
2. лирика Жуковского – «энциклопедия» христианских образов и мотивов;
3. духовная лирика Пушкина является выражением поэтической индивидуальности автора;

4. религиозный мотивы в лирических произведениях М.Ю. Лермонтова можно охарактеризовать как «историю души» самого поэта.

Бакалаврская работа состоит из введения, двух глав, заключения и библиографического списка.

Во введении обосновывается выбор темы и ее актуальность, научная новизна, определяются объект, предмет, цели, задачи, методы, теоретическая и практическая значимость работы, формулируются гипотеза и положения, выносимые на защиту.

Первая глава «История и теория лирики первой половины XIX века» состоит из четырех параграфов. В первом параграфе дается краткое изложение истории развития русской литературы первой половины XIX века: были отмечены исторические и литературоведческие факторы влияния на развитие литературного процесса данного периода. Второй параграф посвящен вопросу о художественной циклизации лирических произведений, о понятии цикла как особой формы взаимодействия отдельных произведений, объединенных тематически. Третий параграф определяет специфику лирики как рода литературы. Были рассмотрены такие проблемы лирической поэзии, как своеобразие лирического жанра, специфика поэтического слова, методы выражения авторского сознания, лирические стили и многое другое, что позволяет рассматривать лирику не как текст с особым строением, а как отражение человеческой души. Четвертый параграф посвящен религиозному аспекту русской поэзии в историко-филологическом осмыслении.

В первом параграфе второй главы «Русская лирика первой половины XIX века: духовно-нравственные поиски и религиозные откровения» поэма В.А. Жуковского «Орлеанская дева» анализируется в религиозно-философском аспекте. Выявлялись такие сюжетные детали и лексические единицы, которые помогали раскрыть провиденциальный смысл поэмы. Второй параграф посвящен тому, как взаимодействуют христианские и языческие образы в лирике В.А. Жуковского. В третьем параграфе анализируются лирические произведения А.С. Пушкина на предмет религиозных мотивов в таких

стихотворениях, которые связаны с православной традицией или напрямую восходят к евангельским текстам. Четвертый параграф посвящен духовной лирике М.Ю. Лермонтова и тому, как религиозное чувство самого поэта отражалось в его лирических произведениях.

В заключении представлены выводы, полученные в результате исследования.

Библиографический список насчитывает 51 источник.

Результаты исследования были апробированы в форме доклада на III Региональной молодежной научно-практической конференции «Поволжский фестиваль студенческой науки» в Поволжском православном институте имени Алексия, митрополита Московского (3.12.2020, г. Тольятти). По результатам данной конференции представленный доклад получил диплом II степени. Также результаты исследования были представлены на Поволжском фестивале студенческой науки в Поволжском православном институте имени святителя Алексия, митрополита московского. По результатам конференции была создана публикация в сборнике «Поволжский фестиваль студенческой науки» (15-16.04.2021). Также результаты исследования были опубликованы в виде тезисов в научно-методическом журнале «Педагогический форум» по итогам III Поволжского педагогического форума (2021 г.).

ГЛАВА 1. Лирика первой половины XIX века в историко-литературном контексте

1.1 Основные тенденции и закономерности развития русской литературы первой половины XIX века

Русская классическая литература XIX века, по праву называемого золотым, является своего рода художественным эталоном и достоянием всей мировой культуры. Исследователи истории русской литературы считают главной закономерностью литературного процесса 1800-1830 годов отказ от жанрового мышления и переход к мышлению стилями. Однако, М.М. Бахтин в исследовании «Роман и эпос» отмечал именно жанровый аспект доминантой в конкретной литературной эпохе: «Все жанры или их основные элементы гораздо старше письменности и книги, и свою исконную устную и громкую природу они сохраняют в большей или меньшей степени еще и до нынешнего дня» [Бахтин 1970; 1].

Также в период 1800-1830 годов создается русский национальный литературный язык, зарождаются реалистические тенденции, что обусловлено как историческими, так и собственно литературными процессами.

Исследователи русской литературы уделяют особое внимание историческим факторам, которые повлияли на развитие литературы данного периода. В числе исторических обстоятельств, повлиявших на формирование не только общественной мысли, но и на литературный процесс значимое место занимает кризис крепостнической системы. Но идеи Просвещения, в числе которых были демократическая свобода, братство народов и равенство всех сословий разделяло лишь немногие представители дворянского сословия.

Еще одним крупнейшим событием в истории страны и фактором влияния на развитие русской литературы стала Отечественная война 1812 года, которая получила широкое отражение в творчестве классиков. Свое выражение историческое событие получило в творчестве таких поэтов и писателей, как

Д.В. Давыдов, И.А. Крылов, В.А. Жуковский, А.С. Пушкин, Л.Н. Толстой. Связь между развитием литературного процесса и историческими событиями отмечает также Г.А. Гуковский, который соединяет в своих трудах литературоведение с историей, философией и социологией.

В 1815-1816 гг. появляются первые организации декабристских обществ, что повлияло на возникновение гражданского, или социального течения романтизма. После 1825 года происходит вступление романтизма на новый этап своего существования, а в связи со значимыми событиями в истории страны русская литература 1800 - 1830 годов достигает своего высшего расцвета.

В.Ю. Манн в литературоведческом труде «Динамика русского романтизма» отмечает, что романтизм – один из этапов широкого литературного движения в сторону реализма, ссылаясь на цикл монографий Г.А. Гуковского: «Пушкин и русские романтики», «Пушкин и проблемы реалистического стиля», «Реализм Гоголя». Основа концепции Гуковского – проблема человека и среды, анализ этих взаимоотношений.

История русской литературы начала XIX века актуальна как для читателя-современника, так и для исследователя XXI века. В эту эпоху формировались основные принципы дальнейшего литературного развития. В литературном процессе господствующее положение занимала лирическая поэзия (так продолжалось до 1840-х годов), что не удивительно: лирика обладает более развитым языком по сравнению с прозой и драматургией.

Также в научной литературе принято выделять:

1. сочинения классицистов;
2. просветительскую и нравоописательную литературу, которая определялась стилистикой рационалистической и нравоучительной философией XVIII в.;
3. прозу, поэзию, драматургию сентименталистов, содержащую в себе просветительские идеи, но культивирующая чувство, а не разум.

Анализируя приведенный выше перечень векторов развития русской литературы, мы можем заметить, что часть исследователей советского периода

(например, В.И. Коровин) не рассматривает религиозную составляющую в литературном процессе первой половины XIX века. Однако именно в период 1800-1830 годов, когда страну потрясла Отечественная война 1812 года, нестабильная политическая ситуация (восстание декабристов, 1825г.) и иные социальные катаклизмы, потребность в обращении к Богу возрастает не только в сознании простого народа, но и в творчестве поэтов, примером чему может служить лирика А.С. Пушкина («Пророк», «Бесы», «Отцы пустынноики и жены непорочны»), лирика К.Н. Батюшкова («Бог»), лирика Е.А. Баратынского («Молитва», «Смерть», «Враг суетных утех и враг утех позорных»).

Некоторые писатели данного периода могли творить и создавать свои произведения одновременно в духе сентиментализма и просветительского нравоописания (А.Е. Измайлов «Бедная Маша»).

Со временем сентиментализм распространяется на все жанры и оттесняет на второй план просветительскую нравоописательную литературу, которая не исчезает, а продолжает существовать в жанрах басен, комедий и повестей.

В поэзии начала XIX века сохраняется сильное влияние классицизма. Продолжают появляться эпические поэмы (С.А. Ширинский-Шихматов «Пожарский, Минин, Гермоген, или Спасенная Россия»), философско-космологические и сказочные поэмы. Значимым событием для литературы начала века стал выход собрания сочинений Г.Р. Державина в 1816 году. Но, несмотря на все вышесказанное, в этот период классицизм уже сходит с литературной сцены, а многие классицисты, например, М.М. Херасков, начинают испытывать влияние сентиментализма.

Поэты «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств», разделявшие идеи А.Н. Радищева, продолжили традиции гражданской лирики в духе классицизма. В общество входили такие поэты, как И.М. Борн, В.В. Попугаев, А.Е. Измайлов, Г.П. Каменев, А.Х. Востоков. Некоторые из поэтов тяготели к классицизму, а иные испытывали на себе влияние предромантизма и романтизма (Г.П. Каменев «Громвал»). В одах поэтов Вольного общества прославлялись человеческие достоинства, права на свободу и праведный суд.

Это значительное отличие оды поэтов Вольного общества от оды классицистов. Некоторые из исследователей советского периода представляют творчество поэтов Вольного общества как орудие социального протеста, в которой полностью отсутствует религиозная, духовная, божественная составляющая, иными словами, допускают вульгарный социологизм.

В январе 1802 года открылось и в ноябре того же года распалось «Дружеское литературное общество», членами которого были студенты Московского университета и Университетского Благородного пансиона, в числе которых были Александр Тургенев, Василий Жуковский и другие. Члены «Дружеского литературного общества» разделяли идеи высокой гражданственности и нравственности литературы. Внутри общества образовался раскол: одни принимали литературные принципы Карамзина, другие, например, лидер кружка Андрей Тургенев считал, что Карамзин уводит литературу от современных проблем и действительности. Андрей Тургенев считал, что время Карамзина прошло, и следовать его литературным принципам более вредно, чем полезно. В некоторой степени взгляды и литературное творчество Андрея Тургенева подготовили «литературную программу декабризма», однако взгляды его не получили поддержки большинства членов «Дружеского литературного общества».

Таким образом, вокруг Карамзина собиралась молодежь, увлекающаяся и интересующаяся литературой, которая принимала его литературно-языковую реформу. В числе литературной молодежи были: В. Жуковский, К.Н. Батюшков и другие. В основе карамзинизма лежали те же принципы классицистической эстетики, которые провозглашал Буало в своем трактате "Поэтическое искусство». Среди этих принципов были:

1. логическая ясность;
2. точность словоупотребления;
3. синтаксическая правильность;
4. прозрачность выражения мысли.

Однако под пером Карамзина и его единомышленников данные положения претерпели некоторые изменения и наполнились новым содержанием.

Что касемо понимания литературного вкуса, карамзинисты считали, что вкус – неотъемлемое свойство личности, которое заключено в душе человека. Новое понимание вкуса повлекло за собой переосмысление классицистической эстетики, из которого следовало, что художественное произведение не должно допускать оборотов и выражений, которые затрудняли бы его восприятие читателем. Предполагалось, что язык не должен содержать в себе такие элементы, как устаревшие обороты, словоформы, славянизмы и архаизмы.

Таким образом, основой поэтического языка должен был стать «средний стиль», которым пользовался в реальной жизни каждый дворянин. «Высокий стиль» в свою очередь рассматривался как нечто искусственное, а «народное» красноречие как нечто простое и грубое, вследствие чего эти два стиля не допускались.

После войны с Наполеоном и Великой французской революции возросло представление о личности как о самой большой ценности. Личность частного, конкретного человека в ее неповторимости и своеобразии была объявлена мерой всех вещей. В соответствии с этим мировоззрением сущность личности заключалась во всем ее внутреннем мире, а главное ее качество – свобода духа. Романтизм обособляет личность от земного мира, а это значит, что окружающая среда способна погубить личность, однако изменить ее она не способна. Поскольку человек воспринимает мир всем своим существом, а не разумом и чувством в отдельности, романтики утверждают, что отношения человека с миром многообразны. Однако они подчеркивают значение эмоций, лиризма, экспрессии человека по отношению к миру. Затрагивая тему ценности личности, ее внутреннего мира, исследователи советского периода избегают в своих трудах слова «душа», которое носит в себе религиозную семантику, взамен этой лексеме он использует «дух» (свобода духа), что подчеркивает

сознательный уход исследователя от религиозности романтизма как литературного направления.

Романтики в своих рассуждениях пришли к выводу, что искусство – высшая форма проявления духовной жизни человека. Для них искусство – это сама жизнь. Именно поэтому приверженцы романтизма считали недостаточным создать художественный образ, они стремились передать действительность. Романтики видели внутренний мир личности как непостижимую Вселенную, которая наполнена тайной. Однако сторонники романтического направления видели, что в реальном мире личность не может реализовать свои мечты и идеалы. По их мнению, это зависит от ограниченности человеческого ума, именно поэтому в сознании романтиков жили две противоречащие друг другу идеи – с одной стороны, они стремились к бесконечному, с другой стороны – осознавали тщетность своих усилий.

Романтизм являет собой отдельную эпоху в историческом развитии человечества, наравне с эпохами Возрождения и Просвещения. Идеи романтизма проникли во все области духовной деятельности человека европейских стран. Он оказал влияние на философию, экономику, искусство, в частности, образовал отдельное направление в литературе.

Как литературное направление романтизм ставит в центр художественного изображения, носящего в определенной степени мистериальный характер, свободную, но одинокую личность, проникнутую томлением по бесконечному и не обусловленную ни историческими, ни социальными факторами, а вследствие чего обладающую чертами исключительности и таинственности.

Несмотря на то, что общие свойства европейского романтизма полностью относятся и к русскому романтизму, второй имеет ряд отличий.

Первое отличие обусловлено социально-историческим фактором. В европейских странах феодальное устройство общества ушло в прошлое, в России же крестьяне продолжали оставаться в крепостной зависимости. Здесь же можно отметить, что в России гораздо прочнее, нежели в иных странах,

установились патриархально-общинные отношения. Следующим отличием является тот факт, что в России дольше оказывали влияние просветительские идеи на литературу и иные сферы культуры общества. Еще одна характерная черта русского романтизма – ему не свойственна «романтическая ирония». И, несомненно, одно из ярких отличий русской литературы данного периода от зарубежной заключается в том, что на нее активно оказывает влияние православная традиция. Отличительные черты русского романтизма проявлялись накануне и особенно после подавления восстания декабристов.

Все отличительные черты русского романтизма не означают его обособление, напротив, чувства свободы личности, ее прав и достоинства роднили русский романтизм с европейским и делали его частью единого целого. Подъему национального самосознания способствовали войны с Наполеоном, в частности, Отечественная война 1812 года. Перемены в сознании народа были значительными: духовные ценности переместились из сферы самодержавия в сферу частного человека. Сфера частного человека исследователями советского периода рассматривается как нечто бытовое, хоть и используется термин «духовные ценности», но теряется его полноценный религиозный смысл. Абстрактное понятие государства, олицетворенное самодержавием, уходило в прошлое. Все это подготовило почву для победы романтических настроений как в частой жизни, так и в литературе.

Романтизм в России прошел несколько этапов развития:

1) 1810-е годы – возникновение и формирование психологического течения в литературе, ведущими поэтами которого были Жуковский и Батюшков;

2) 1820-е годы - возникновение и формирование гражданского (социального) течения в поэзии К.Ф. Рыльева, Ф.Н. Глинки, А.А. Бестужева-Марлинского и других. Также это период зрелости психологического романтизма, главными фигурами которого были А.С. Пушкин, Е.А. Баратынский и другие.

3) 1830-е годы – возникновение философского течения в поэзии Баратынского, Тютчева, в прозе В.Ф. Одоевского, в это же время происходит проникновение романтизма в прозу и его широкое распространение в жанре повести. Происходит расцвет романтизма в творчестве М.Ю. Лермонтова. Рождаются «кавказские» («восточные») повести А.А. Бестужева-Марлинского.

4) 1840-е годы – закат романтизма, его уход с переднего плана литературы. Романтизм из субъекта литературного процесса превращается в его объект и становится предметом художественного изображения и анализа.

Деление русского романтизма на различные течения происходило по следующим критериям:

к психологическому течению относятся романтики, исповедовавшие идеи самосовершенствования личности как наиболее действенного способа преобразования действительности и человека;

к течению гражданского (социального) русского романтизма относятся романтики, считавшие, что человек воспитывается прежде всего в социуме, в общественной жизни, следовательно, предназначен для гражданской деятельности;

к философскому течению принадлежат романтики, полагавшие, что место человека в этом мире predetermined, его судьба предначертана и решена на небесах, что не зависит от социальных и психологических причин.

Преобладание романтизма в поэзии Жуковского и Батюшкова было обусловлено такими факторами, как карамзинская реформа литературного языка, дискуссии по проблемам литературного языка, которые открыли дорогу романтизму.

Просветительская проза этого времени была представлена в основном двумя жанрами – романом и повестью. Наиболее известные произведения этого времени – роман «Евгений, или Пагубные следствия дурного воспитания и общества» А.Е. Измайлова и роман «Российский Жилблаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова» В.Т. Нарезного.

В прозе сентименталистов господствовали два жанра – сентиментальная повесть («чувствительная», «воспитательная» и др.) и путешествия. Сюжеты новых повестей зачастую были вариациями сюжета повести Карамзина «Бедная Лиза», например, «Бедная Маша» А.Е. Измайлова.

Несмотря на то, что жанр путешествий также пришел в Россию из западной литературы, у русской литературы уже был свой образец – «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина, на него ориентировались отечественные писатели.

В жанре путешествий традиционно выделяют три разновидности:

научная – автор ставит перед собой не художественные, а научные задачи, пишет с исторической, этнографической или археологической целью;

смешанная – автор одинаково ставит перед собой как художественные, так и научные цели;

собственно литературная – в данной разновидности на первом плане стоит личность автора и преобладает вымысел.

В дальнейшем жанр путешествия в русской литературе обогатили такие произведения, как «Путешествия В Арзрум 1829 года» А.С. Пушкина, «Фрегат Паллада» И.А. Гончарова и др.

В драматургии начала XIX века также на смену классицизму пришел сентиментализм, которому противостояли комедии И.А. Крылова и других авторов.

Многими драматургами нарушались правила классицизма, действие вмещали в четыре акта, вместо пяти, место и время также менялись. Но основная перемена заключалась в том, что в драматургическом конфликте усилилась роль личных чувств, противостояние между долгом и чувством не всегда решалось в пользу долга. Трагедия постепенно уступала место драме.

Если в жанре трагедии преобладало влияние сентиментализма, то в жанре комедии – просветительские идеи, особенно в «комедии нравов», которая подготовила появление комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума».

1.2. Циклизация лирики по М.Н. Дарвину

Вопрос о художественной циклизации лирических произведений можно назвать одним из фундаментальных, но в то же время актуальных вопросов литературоведения. Многообразие циклических форм в литературе, а в частности в лирике, настолько велико, что представления о них противоречивы, и в литературоведении до сих пор нет единого мнения о том, что же следует понимать под словом «цикл». Актуальным остается вопрос о том, существуют ли границы такого понятия, как «цикл» и возможно ли его использование в качестве научного термина.

В Древней Греции слово «цикл» (*kyklos* – в переводе с греческого «круг» или «круговорот») обозначало сосредоточение и изображение определенного ряда событий или фактов внутри круга.

В европейской теории искусства слово «цикл» как поэтическое понятие впервые возникает на рубеже XVIII – XIX веков, в период становления и развития романтизма. Теоретик немецкого романтизма А.В. Шлегель в статье «О рисунках к стихотворениям» дает толкование слова «цикл», применяемое к художественным и словесным искусствам, философ пишет следующее: «В циклической форме могут выступать такие явления, которые только благодаря предшествующему или последующему становятся полнозначными». Таким образом, мы можем предположить, что лирические произведения одного цикла объединяет единая тема, концепция, заданный поэтом контекст, каждое лирическое произведение в рамках одного цикла становится полноценным по своему смыслу только раскрываясь в художественном взаимодействии с другими произведениями заданного цикла.

Необходимо отметить то обстоятельство, что различные обозначения циклических форм в литературе в общеевропейском контексте могли иметь свои национальные языковые варианты. Например, циклические образования, возникшие в русской лирике первой половины XIX века довольно далеко стояли от греко-латинских корней слова «цикл». Их предпочитали именовать поэмами,

а чаще - ансамблями стихотворений. Н.Ф. Щербина в послании В.П. Гаевскому от 13 ноября 1854 года писал о том, что все песни в тетради (имеется в виду цикл «Ямбы и элегии») выражают собой разные стороны или оттенки одной мысли и тем самым составляют одно целое. Стоит отметить, что слово «ансамбль» в послании имеет смысл совокупности, стройного целого, системы, что достаточно точно характеризует форму и содержание такого понятия, как цикл.

Целостность лирического цикла понималась поэтами и теоретиками литературы как некая целостность, равная законченному по своему смыслу произведению, состоящему из отдельных частей. Глава в романе расценивалась как эквивалент одного стихотворения в цикле. Также циклизация может рассматриваться как способ выражения авторской художественной концепции мира, с другой – как способ организации читательского восприятия этой художественной концепции [Дарвин 2003; 471].

В попытке обобщить все сказанное выше, можно выделить следующие наиболее заметные черты художественной циклизации в лирике:

1) основной пафос концепции художественной циклизации в лирике заключается в утверждении ее глубокой связи с индивидуальным творчеством поэта и его системой художественных образов;

2) образование циклических форм может истолковываться как следствие действия всеобщего для лирики онтологического закона, который заключается в том, что каждое отдельное лирическое произведение потенциально может вступать во взаимодействие с другими лирическими произведениями в контексте творчества одного поэта;

3) целостность циклической формы приравнивается к целостности произведения большой жанровой формы: поэмы, романа в стихах.

Вопросы художественной циклизации литературных произведений возникли также в связи с проблемами текстологии и критики поэтических текстов, о чем писал советский лингвист и литературовед Г.О. Винокур, на которого в своем исследовании ссылается М.Н. Дарвин. Согласно

рассуждениям Г.О. Винокура, понятие «собрание сочинений» - это не абстрактная сумма лирических или эпических произведений, а нечто цельное и конкретное.

Г.О. Винокур отмечает, что при рассмотрении цикла лирических или эпических произведений, важно учитывать следующее:

1) какие отдельные тексты одного писателя входят в собрание сочинений или в лирический цикл как в особую художественную, а не издательскую форму;

2) какова последовательность расположения отдельных текстов внутри собрания сочинений или стихотворения внутри лирического цикла.

Что касается современных исследований на тему лирической циклизации, Л.Е. Ляпина предлагает выделить в лирическом цикле пять, с ее точки зрения, основных признаков [Дарвин 2003, стр 123]:

1) авторская заданность композиции;

2) самостоятельность входящих в цикл произведений;

3) одноцентренность, центростремительность композиции лирического цикла;

4) лирический сюжет;

5) лирический принцип изображения.

М.Н. Дарвин в своей статье «Художественная циклизация лирики» пишет о том, что многие литературоведы выдвигали следующий тезис: циклизация в лирике – это органичное явление, которое соответствует специфике литературного рода. В подтверждение тому исследователь ссылается на Г.О. Винокура, Л.Е. Ляпину, которые в своих трудах занимались всесторонним изучением такого явления, как лирическая циклизация.

1.3. Специфика лирики как рода литературы

Впервые о традиционном разделении художественной литературы на три рода заговорил Платон. Систему деления литературы на прозу, драматургию и

лирику позже формировал Аристотель, эта система актуальна в литературоведении и в настоящее время.

Аристотель в своем систематическом умозаключении говорит и о «лице самого поэта». В своих выводах философ исходит из деления поэзии на три типа сообразно тому, как осуществляется подражание природе (действительности), какова форма присутствия в нем творящего субъекта: «Подражающий остается сам собою, не изменяя своего лица» [Д.В. Сквозников 2003; 395]. Под «не изменением лица» Аристотель подразумевает лишь факт сотворения образа от «лица самого поэта», а не через иных посредников, также это не означает свободной воли поэта при создании своего лирического произведения. Здесь творческое «я» поэта является лирическим «я», от лица которого идет повествование. Однако в критическом обиходе с представлениями о лирике как выражении чувств сплелось представление о несравненно большем участии в ней момента творческой субъективности.

Сквозников Д.В. в своей статье «Лирический род литературы» ссылается на этюд о лирике Жана-Поля (Рихтера), который писал: «Эпос изображает событие, развертывающееся на основе прошлого, драма – действие, развертывающееся в сторону будущего и направленное на будущее, лирика – чувство, заключенное в настоящем» [Сквозников 2003; 297]. Общая отличительная особенность лирического рода состоит в том, что художественная мысль находит выражение в форме лирического переживания, что является основой лирического рода как искусства слова.

Обратимся к теоретическому исследованию Л.Я. Гинзбург «О лирике» (1964 год), построенному на широком историческом материале от пушкинской эпохи до начала XX века. Л.Я. Гинзбург рассматривает такие проблемы лирической поэзии, как своеобразие лирического жанра, специфика поэтического слова, методы выражения авторского сознания, лирические стили и многое другое.

Специфика лирики по Л.Я. Гинзбург заключается в том, что человек присутствует в ней не только как автор и объект изображения, но и в качестве ее

субъекта, включенного в эстетическую структуру произведения. В лирике субъект активен. Лирика – поэтическая переработка личностью своего жизненного и духовного опыта, в ней признается особое положение личности, ее восприятия окружающей действительности, так как поэтическое слово оценивает все, к чему прикасается.

Особое внимание Л.Я. Гинзбург в своей работе уделяет такому понятию, как контекст. Автор упоминает таких исследователей, как В.В. Виноградов, Б.В. Томашевский, Ю.Н. Тынянов, выступавших с работами, в которых проблема контекста изучалась в связи со спецификой стихового слога (Ю.Н. Тынянов «Проблема стихотворного языка»). В.В. Виноградов обозначал слово, пребывающее в поэтическом контексте термином символ. Исследователь писал, что характерная особенность символа заключается в том, что он обусловлен значением всей композиции определенного произведения. Также символ понимается как поэтическое слово, которое семантически всегда определяется своим контекстом. Следовательно, символичность является одним из признаков поэтической речи.

В отличие от прозы, которая имеет фабульное движение и персонажей, в лирике основополагающей является поэтическая мысль, она и есть содержание стихотворного произведения, где внутренний опыт передается поэтическими формулировками, которые устанавливают с читателем безошибочный контакт. Именно поэтому еще одна характерная черта лирики – двусторонний социальный акт творчества и восприятия.

В своем исследовании Л.Я. Гинзбург упоминает работу А.Н. Веселовского «Историческая поэтика», где подчеркивается обязательность возникновения ассоциаций у читателя [Гинзбург 1974; 103]. Также А.Н. Веселовский затрагивает вопрос о том, какую роль играют поэтические «формулы». Отмечается важность теории доминирующей традиционности для многовековой истории языка лирики. Поэтический язык, присущий лирике, состоит из формул, вызывающих ряд образных ассоциаций, как положительных, так и противоречивых. А.Н. Веселовский аллегорически

называет поэтические формулы нервными узлами, прикосновение к которым будит в человеческом сознании определенные ассоциации.

Традиционным формулам свойственна эмоциональность. Но одной эмоциональности недостаточно. К лирике, как и всякому виду искусства, выдвигается требование новизны, преобразования семантики слова, вследствие чего происходит рождение новых ассоциаций, а соответственно – и новых лирических произведений.

Поскольку лирика утверждает новое через изменение общезначимого, рождается вопрос о том, какими средствами индивидуальность поэта проявляется в традиционном материале, но наполненном неповторимыми смыслами, ассоциациями.

Как А.Н. Веселовский в своих рассуждениях и выводах опирался преимущественно на средневековую литературу, так и Ю.Н. Тынянов в своих теоретических исследованиях помнил, что теория литературы создается и развивается на историческом материале. Ю.Н. Тынянов выдвигал мысль о неизбежной историчности восприятия литературного произведения. История носит в себе общее сознание, поэтому на каждом этапе истории человечества в литературных, в частности, лирических произведениях проявляются соответствующие эпохе ассоциации [Гинзбург 1974; 107].

1.4. Религиозный аспект русской поэзии в историко-филологическом осмыслении

Религия, являясь духовно-исторической основой мировой культуры, оказала влияние на многие виды искусства, в том числе и на литературу. Совершенно очевидно: религиозный аспект является доминирующим в творческих поисках русских писателей. В русской литературной традиции религиозная лирика начинается с переложения псалмов Симеоном Полоцким (Псалтирь рифмованная, 1860 г.) и создания особой поэтики М.В. Ломоносовым, который также занимался переложением псалмов [Сквозников

2003; 253]. Исстари в духовных стихотворениях ведущее место занимала тема восхваления Творца («Утреннее размышление о Божием величии» М.В. Ломоносова, ода «Бог» Г.Р. Державина). В духовной религиозной лирике также встречаются стихотворения, воспевающие деяния пророков и апостолов («Призвание Исайи» Глинки, «Савл на дороге в Дамаск» Жуковского).

Особым фольклорным жанром в русской лирике стали духовные стихи, которые исполнялись бродячими слепыми певцами и в своем большинстве являлись заимствованиями из Библии или житий святых. Старинные духовные стихи назывались «псалма» по названию текстов религиозной лирики – псалмов [Ранчин 2001; 259]. Большинство духовных стихов сохранилось в записях фольклористов XV-XVII веков, их образы и мотивы встречаются в произведениях русских писателей XIX-XX веков: повесть Н.С. Лескова «Запечатленный ангел» (1873 г.), в стихотворении Н.А. Некрасова «Влас» и легенде «О двух великих грешниках» из поэмы «Кому на Руси жить хорошо» (1876 г).

В исследовании Курбановой А.М. «Религиозная лирика в произведениях русских писателей» представлен подробный анализ основных религиозных тем и мотивов, определивших исторический путь русской классики [Курбанова 2019; 1]. Так, в первой половине XIX века духовно-нравственное содержание воплощаются, в основном, в лирической поэзии. Стоит обратиться к балладам В.А. Жуковского («Светлана», «Людмила»), где влияние православных традиций, народного религиозного опыта на образную систему произведений является совершенно очевидным. Лирика А.С. Пушкина («Отцы пустынноики и жены непорочны»), М.Ю. Лермонтова («Молитва») - ещё более убеждает читателя в пророческом призвании художественного творчества. В своих стихотворениях поэты обращаются к вечному, возвышенному, божественному, всё доказывает нам то, что искусство и творчество неотделимы от религии. Само понятие «творчество» носит в своей и внутренней, и внешней форме образ Творца – Иисуса Христа. Творчество – Божественный дар, именно поэтому мы не можем рассматривать литературу как нечто отдельное от

религии. Ведь вначале было Слово, без которого не было бы не только литературы, но и всего живого вообще.

В свою очередь, М.М. Дунаев в фундаментальном исследовании «Русская литература и православие» [Дунаев 2003; 1] ссылается на Н.А. Бердяева: «В русской литературе, у великих русских писателей религиозные темы и религиозные мотивы были сильнее, чем в какой-либо литературе мира... Вся наша литература XIX века ранена христианской темой, вся она ищет спасения, вся она ищет избавления от зла, страдания, ужаса жизни для человеческой личности, мира. В самых значительных своих творениях она проникнута религиозной мыслью...». Ничто не сможет отразить взаимосвязи русской литературы XIX века и религии, как слова Н.А. Бердяева.

Но тесную связь православия и русской литературы отмечают не только русские авторы, украинский писатель Иван Франко, Стефан Цвейг и иные иностранные исследователи русской литературы отмечали, что именно она заставляла их душу проснуться, взбодриться, обратиться к Богу. Чуть позже, уже во второй половине XIX века один из величайших писателей Ф.М. Достоевский скажет следующие слова: «Россия есть лишь олицетворение души православия!».

В своей научной работе «Православие и русская классическая литература: грани соприкосновения» Дьяконова А.А. выдвигает мысль о том, что русская словесность неотделима от православной веры. С данным тезисом мы не можем не согласиться, ведь христианские ценности получили отражение в русской литературе как в прозе, так и в лирике. В своей работе Дьяконова А.А. ссылается на слова протоиерея Андрея Ткачева, который считает, что вся русская литература нравственно ориентированная. Слова священнослужителя весомы для каждого верующего человека, в нашем случае они подтверждают мысль о том, что литература, а в частности лирика первой половины XIX века не только испытывала на себе влияние религии, но и хранит в себе основы христианского благочестия и морали.

«Религиозные искания мыслящей России и привели к тому, что значение наставника жизни, пришедшего на смену духовнику, было признано за литературой» - такое высокое значение русской классической литературы как духовного наставника отмечает Д.М. Буланин. В своей работе он прямо говорит нам, что миссия русской классической литературы (а значит – и религиозной) – миссия наставницы жизни. Своим утверждением Д.М. Буланин аргументирует тем фактом, что в средневековой Руси не было профессиональных литераторов, носителем грамоты было духовенство, а значит, что и вся славянская средневековая письменность была духовной. У пишущего в ту пору была одна цель – донести истину о делах Божьих. Не стоит забывать, что и само слово – дар Божий. Также в основе славянской письменности, в частности и русской, лежит творчество святых Кирилла и Мефодия, а старославянский язык был создан для перевода Евангелия. Именно благодаря таким истокам русской классической литературе характерна нравственная чистота, и совершенно не свойственны суетность и пошлость.

В художественных произведениях русские писатели не просто декларировали свои религиозно-философские взгляды, они передавали состояние своей души, глубокого христианского сознания. Для писателей и поэтов русской литературы как первой, так и второй половины XIX века свойствен синтез художественного и духовного, для них литература – служение Богу. Основой для создания произведений, особенно лирических, зачастую являлся собственный жизненный, а что важнее – духовный опыт.

Выводы

При анализе лирических произведений поэтов первой половины XIX века нами будут учитываться специфические черты лирики как рода литературы, религиозный аспект произведений и взаимодействие лирических произведений в рамках определенного цикла или всего поэтического творчества автора.

Обзор научной литературы по теории лирики позволил выделить следующие особенности рода литературы:

1) особая роль лирического «я» в произведениях, подчеркнутая субъективность, главную роль играют личные переживания поэта (основано на исследованиях Л.Я. Гинзбург, В.Д. Сквозникова, М.Н. Дарвина);

2) личный опыт и переживания автора играют определяющую роль при создании лирического произведения;

3) циклизация лирики – это прежде всего авторское видение последовательности своих текстов и взаимосвязи между ними.

Все произведения, которые будут рассмотрены в практической части данной работы относятся к лирическому роду литературы (кроме поэма В.А. Жуковского «Орлеанская дева», т.к. это лиро-эпическое произведение). Важно то, как в рамках одного рода проявляется авторская индивидуальность таких поэтов, как В.А. Жуковский, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов. Несмотря на то, что каждый последующий поэт считал себя учеником предыдущего, все они неповторимы в своей авторской индивидуальности и поэтической форме. Лирику, как проявление движения души поэта, стоит оценивать как с литературоведческой, так и с религиозной точки зрения. Историко-филологическому анализу в религиозном аспекте будет посвящена практическая часть данной работы.

ГЛАВА 2. Русская лирика первой половины XIX века: духовно-нравственные поиски и религиозные откровения

2.1. Провиденциальный смысл поэмы В.А. Жуковского «Орлеанская дева»

Как известно, писателем-классиком или, по слову В.Г. Белинского, «литературным Колумбом России», открывшим русской литературе первой половины XIX века новый творческий опыт, по праву считается В.А. Жуковский – переводчик, литературный критик, наставник наследника престола, поэт, положивший начало русскому романтизму. Многогранная творческая деятельность поэта до сих пор являет собой обширное поле для исследователей – филологов. Будучи переводчиком с немецкого, английского, французского языков, В.А. Жуковский познакомил русскоязычного читателя со многими шедеврами мировой классической литературы. Результатом переводческой деятельности стала поэма «Орлеанская дева» (1821 г.), которая является переложением на русский язык одноименной драмы Ф. Шиллера. Несмотря на этот факт, произведение В.А. Жуковского стало самобытным явлением литературного процесса первой половины XIX века, имеющим глубокий христианский смысл.

Несмотря на то, что образ Жанны Д'Арк в поэме В.А. Жуковского «Орлеанская дева» носит глубоко религиозный и символический характер (как писал А.М. Панченко: «В памяти нации есть люди-символы и события-

символы») [Панченко 2007; 201], в литературоведческих исследованиях он трактуется неоднозначно, в том числе подвергается политизации, о чем в своем труде «Жанна Д'Арк в России. Исторический образ между литературой и пропагандой» говорит Д.М. Буланин. В предисловии к своему исследованию Д.М. Буланин пишет: «Она [Жанна Д'Арк] есть символ не только культурный, но идеологический и даже откровенно политический» [Буланин 2016; 5]. Исследователь объясняет процесс политизации образа Жанны Д'Арк тем, что Ф. Шиллер имел репутацию автора тираноборческих пьес. «Орлеанская дева» В.А. Жуковского могла приобрести политический смысл в силу своеобразного статуса ее автора в социально-общественной жизни государства, статуса представителя так называемой официальной идеологии — поэт имел чин тайного советника (1841 г.) и был приближённым царской семьи. Несмотря на свое положение, В.А. Жуковский воспринимался как народный поэт, именно поэтому «Орлеанская дева» получила живой отклик среди читающего общества.

В силу того, что в общеисторическом контексте образ Жанны Д'Арк выступает как символ французского национального самосознания и, следовательно, приобретает политическую окраску, необходимо проводить историко-филологический анализ произведений, написанных об освободительнице Орлеана. Важно отметить, что необходимость такого анализа признает и Д.М. Буланин, автор фундаментального исследования о рецепции образа Жанны Д'Арк в русской культуре. Исследователь подчеркивает, что современному читателю не свойственно оценивать поступки с точки зрения Божьего промысла, в то время как в Средневековье церковный приговор был равносителен государственному.

В переводе В.А. Жуковского выражается мысль о провиденциальности исторического процесса, что является традиционным для русской классической литературы и для мироощущения самого поэта. Образ Богородицы проходит сквозным лейтмотивом через всю поэму Жуковского, начиная с пролога, в котором местом действия является пространство с часовней, которую украшает

образ Девы Марии. Каждый шаг Иоанны в поэме «Орлеанская дева» продиктован волей Богоматери, в действии первом, явлении втором Иоанна рассказывает о своем сне, в котором: «Пречистая предстала мне» и сказала: «Возьми мое святое знамя.../Рази врагов народа моего». Так на протяжении всего произведения проявляется смирение героини перед всемогуществом Творца. Сама же Иоанна говорит о себе: «Творец земли себя в смиренной девице/ Явит земле...», тем самым подчеркивая, что все ее действия являются Божьим промыслом.

В прологе поэмы Жуковского Раймонд произносит следующие слова, которые несут в себе провиденциальный смысл: «Я вижу в ней тогда знаменовать/ Чего-то высшего», реплика героя позволяет сделать вывод, что весь образ Иоанны, ее уклад жизни, отношение к окружающим располагали к тому, чтобы она стала избранницей Господа для претворения в жизнь высших целей, освобождение Орлеана. Совершенно закономерно, что именно Иоанна спасает и Отечество, и королевскую власть, в этом сюжетном мотиве заключается важная христианская мысль, которая гласит о том, что вся власть на земле дарована от Бога. Именно с помощью Иоанны происходит венчание короля, что подтверждает реплика Раймонда: «На все, к чему она коснется, сходит/ Непостижимое благословенье».

Однако не каждый способен понять, почему же Иоанна ведет такую праведную жизнь, родной отец обвиняет ее в колдовстве (сбори́ние корней плодов и варение из них напитков) и в одном из смертных грехов – гордыне, отец Иоанны рассказывает сон, в котором: «И сам король пред нею на коленях», Тибо считает, что этот сон «ее души изобразил надменность». Иоанна же стойко переносит любые подозрения и оскорбления в свой адрес, тем самым доказывая, что достойна быть избранницей Господа, ведь как гласит евангелие от Матфея: «Блаженны вы, когда будут поносить вам и гнать и всячески неправедно злословить за Меня», так звучат слова Иисуса Христа (Мф. 5: 11-12). Несмотря на то, что по мнению Тибо, отца Иоанны, сон изображает надменность души Божьей избранницы, видение носит глубокий

провиденциальный смысл, который определяет все последующие события в поэме. Сон Тибо можно назвать пророческим, знаковым, несущим в себе послание свыше, от Господа Бога.

Иоанна, вытерпев все обвинения и оставшись одна, не собирается оправдываться, подобно Иисусу Христу, она согласна принести себя в жертву и отдать свою жизнь. Иоанна не держит зла на своих обвинителей, ведь осознает, что от них скрыто нечто сакральное, провиденциальный смысл которого способна постичь только она. Именно архиепископ (человек, отдавший свою жизнь на служение церкви) произносит следующие слова: «Сам божий день души ее не чище», реплика характеризует Иоанну как честного человека равно как перед людьми, так и перед Богом.

Высшим промыслом было уготовано Иоанне выполнить свою святую освободительную миссию и покинуть земной мир. В последнем сражении, получив ранение, Иоанна умирает. На смертном одре к избранницу вновь приходит Богородица: «В божественных лучах стоит она/ И с милостью ко мне простерла руки», Богородица пришла забрать Иоанну с собой, в качестве знака того, что Иоанна прошла все уготовленные ей испытания и выполнила свой долг выступает эмоциональная деталь «с милостью простерла руки».

Несмотря на то, что Иоанна Д'Арк освободительница Орлеана, в силу чего ее образ трактуется как политический, она, в первую очередь, именно избранница Божия, которая своей праведной жизнью удостоилась того, чтобы ей открылось откровение Господне.

Также стоит отметить, что в своем переводе В.А. Жуковский не использует политически-окрашенные слова. Лексика высокого штиля в поэме гармонично сочетается с религиозным и общеупотребительным пластом языка, что исключает возможность поиска скрытого политического смысла «Орлеанской девы».

2.2. Лирика Жуковского: взаимодействие языческих и христианских мотивов и образов

Определению смысла и роли религиозных мотивов в творчестве В.А. Жуковского посвящена фундаментальная монография А.Н. Веселовского «В.А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». Исследование, опубликованное в 1904 году, актуально и для современной науки, поэтому заслуживает подробного историко-филологического комментария.

Как уже отмечалось в параграфе, посвященном религиозно-философской основе лирики как рода литературы, в центре внимания Веселовского – проблема соотношения личности и литературных формул, посредством которых под пером художника рождается новое, неповторимое лирическое произведение. В названном исследовании Жуковский – личность, тесно связанная с готовыми формулами выражения: «Его собственные формулы обязывали его, вне их он словно не находил выражения для новых споров чувства» [Веселовский 1880; 26].

Веселовский трактует поэзию Жуковского как совокупность формул и мотивов. Мотив рассудочности Жуковского имеет в монографии глубокое развитие, «сердечное воображение» - душевная способность упорядочивать личный опыт на основе избранных, устоявшихся формул, посредством которых душевное находит отражение в новом лирическом произведении. Веселовский характеризует данное действие как логическое, называет его «софизмом чувства», рассудочность самого Жуковского не раз подчеркивается в монографии. Может ли рассудочное и логичное сочетаться с истинно религиозным и глубоким чувством – нам предстоит разобраться в процессе анализа отдельных лирических произведений Жуковского. Сам Веселовский подчеркивает, что Жуковский «рассудочно и сознательно воспитывает в себе религиозное чувство».

В данном параграфе религиозное подразумевает под собой христианское. Истинному христианству чужды языческие традиции, образы Муз, понятие

рока совершенно не свойственно православному мироощущению. Вся жизнь в руках Бога – Творца, а не рока или судьбы. В определенных лирических произведениях религия становится не духовной основой содержания, не движением человеческого духа, а лишь темой, о которой можно говорить и на основе которой можно написать новое произведение. Такие лирические произведения испытывают на себе влияние христианских традиций лишь формально, условно, внешне религиозные по своей внутренней форме таковыми их назвать сложно.

Обратимся к элегии «Сельское кладбище» (1802 г.) В.А. Жуковского и попробуем проанализировать её, выявить, в каком отношении истинное христианство находится с внутренней, смысловой формой лирического произведения.

Обратимся к следующим строкам лирического произведения: «Угрюмою судьбой для них был затворен, / Их рок обременил убожества цепями». В приведенных стихах мы встречаем два понятия, чуждых истинному христианству. Будучи поэтом формулы, Жуковский мастерски рисует перед читателем образы, воссоздает ассоциации, творит новое произведение. Однако понятие рока более близко к языческой, греческой мифологии, где перед силой рока бессильны были даже боги. Такие понятия совершенно чужды христианству, где выше Бога – Отца нет никаких сил, и все одному ему подвластно. Далее в элегии слово «рок» повторяется неоднократно, например, «того им не дал рок».

Затем в элегии мы читаем строку: «Дары небесных Муз гордыне посвящать». В приведенном стихе встречается сочетание, столкновение двух чуждых друг другу религиозных образов. Музы – богини древнегреческой мифологии, дочери олимпийских богов – чьи образы как языческие и, соответственно, чуждые христианству, присутствуют в религиозном произведении, созданном в духе православной традиции. В приведенной строке мы встречаем мотив-искушение – гордыню, которая является одним из семи

смертных грехов. Таким образом, в одной строке мы видим образ, характерный для греческой мифологии и рядом с ним символ христианского мировоззрения.

Наряду с языческими образами в элегии «Сельское кладбище» мы встречаем глубинные формы христианского сознания: «Окрест библейскую мораль изобразила», - такую строку мы находим в упомянутом выше лирическом произведении Жуковского. Такое понятие, как библейская мораль, не может быть прокомментировано кратко. Но стоит лишь сказать, что библейская мораль – это нечто истинное, высокое, которое не может быть лишь проявлением внешних форм или стихотворных формул, напротив, это глубоко духовное явление.

Драгоценное, важнейшее в жизни каждого христианина – Господа Иисуса Христа упоминает в элегии В.А. Жуковский в следующих стихах, взятых из разных строф: «Чувствительным Творец награду положил»; «С надеждою, что жив его Спаситель – Бог».

Подводя итог к анализу лирического произведения «Сельское кладбище», мы можем предположить, что религия, в частности христианство, оказало огромное влияние на творчество В.А. Жуковского, в результате чего родилась одна из элегий поэта. Однако в лирике Жуковского религиозность выступает как внешняя форма произведения, так как истинному христианству чужды такие языческие образы, как рок и Музы. Поскольку Жуковский положил начало русскому романтизму, то и его лирике более характерны романтические тенденции, чем христианские.

Нельзя полностью отрицать религиозность произведений В.А. Жуковского, так как с первых шагов своей творческой деятельности он заявил о себе как поэт, верующий в Бога. Об этом упоминает в своем историко-литературном исследовании «В.А. Жуковский и религиозно-философская культура его времени» Долгушин Д.В. Ведь с самого начала своего творческого пути Жуковский размышлял о вере, проделал долгий духовный путь, и взгляды его остались неизменны.

Продолжая разговор о религиозной составляющей в творчестве Жуковского и самих взглядах поэта, Долгушин Д.В. в своей научной работе ссылается на таких исследователей-филологов, как Л. Сиземский и его работу «Поэт – христианин В.А. Жуковский», в которой поэт неопределенно-обобщенно представал в «упрощенном образе поэта – христианина», и на Г.А. Гуковского, для которого религиозные взгляды Жуковского являются лишь «псевдоморфозой поэтики его творчества» («Пушкин и русские романтики»). Однако, изучение религиозных и духовных исканий поэта является одним из самых актуальных направлений исследования его творчества.

Долгушин Д.В. в своем исследовании выдвигает следующий тезис: религиозность рассматривается не в качестве функции текста, а как личностный, душевный опыт, который становится основой нового лирического произведения [Долгушин 2019; 4]. Мы не можем не согласиться с тезисом исследователя, что мы уже доказали при анализе элегии В.А. Жуковского «Сельское кладбище». Также при анализе лирического произведения мы упоминали, что в своем творении Жуковский сочетает христианские образы и понятия, свойственные греческой мифологии. Об этом явлении в творчестве поэта упоминает и Долгушин Д.В., отмечая, что влияние православной традиции в творчестве В.А. Жуковского сочетается с воздействием идей лютеранской идеологии, католической мистики квиетизма и другими философскими течениями. Жуковскому сложно было избежать влияния на своё творчество немецкой философии, так как сам романтизм зародился изначально в Германии. Поэт же был представителем течения романтизма, также активно занимался переводами художественной немецкой литературы на русский язык.

Также большое внимание в своей исследовательской работе Долгушин Д.В. уделяет той атмосфере, в которой происходило воспитание В.А. Жуковского в его детские и юношеские годы. Нравы семьи и места, где получал образование поэт (Московский благородный университетский пансион), оказали огромное влияние на формирование его религиозных воззрений, так как вопросы веры в пансионе находились в самом центре внимания.

Баллада «Светлана» (1813 год) В.А. Жуковского была посвящена его племяннице и крестнице А.А. Протасовой. Лирическое произведение поэт написал по поводу замужества своей племянницы, а баллада стала свадебным подарком девушке и ее супругу, А. Воейкову, который был другом Жуковского.

Баллада начинается со строк: «Раз в крещенский вечерок/ Девушки гадали». Время действия в балладе – Крещение Господне, праздник православной церкви, который принадлежит к числу двенадцатых, то есть особенно почитаемых, так как касается жизни Господа Иисуса Христа, традиционно отмечается 19 января по новому стилю (6 января по старому стилю). В данном параграфе при анализе баллады Жуковского «Сельское кладбище» нами был выдвинут тезис о том, что истинному христианству чужды языческие явления, такие как приметы, суеверия и гадания. С первых строк баллады читатель готовится к произведению религиозного содержания, но в основу сюжета положено гадание. Следуя христианскому учению, мы можем сказать, что гадание является грехом. Здесь у читателя рождается вопрос, если гадание в христианском понимании – грех, то является ли еще большим грехом то, что оно происходит в один из величайших праздников? В этом произведении Жуковского, как и в «Сельском кладбище» происходит столкновение двух мировоззрений – христианского и языческого.

Несмотря на гадание, лирическая героиня баллады Светлана в течение всего произведения мыслит как истинная христианка. Она ждет своего суженого для того, чтобы «...венчаться тем венцом, /Обручаться тем кольцом/ При святом накое». Девушка хранит верность даже тогда, когда от суженого целый год нет ни одной весточки, но она продолжает ждать в благочестивых мечтаниях о том, чтобы связать свою жизнь узами брака перед Богом, во время венчания в церкви.

Когда Светлана думает о своем суженом, она говорит: «Я молюсь и слезы лью!/ Утоли печаль мою,/ Ангел-утешитель». Данные строки подтверждают мысль о том, что сознание Светланы поистине христианское. Даже в своих мыслях, будучи наедине с собой, девушка молится и обращается к своему

ангелу. Вероятно, Светлана не осознает, что гадание – тяжкий грех, особенно в великий праздник Крещения Господня, ведь в те времена гадание среди молодых девушек было традицией, пришедшей со времен древней Руси.

В балладе Жуковский изображает то, как тесно была связана жизнь на Руси с православными традициями, с храмом, с Богом. Если в современном мире брак может заключаться в административном органе власти без участия церкви, то на Руси все браки осуществлялись посредством венчания в церкви: «Едем! Поп уж в церкви ждет/ С дьяконом, с дьячками/ Хор венчальну песнь поет/ Храм блестит свечами». В приведенной строфе Жуковский упоминает и церковнослужителей, и венчальную песнь, которой сопровождается таинство брака, и внутреннее убранство церкви. Строки: «Яркий свет паникадил/ Тускнеет в фимиаме» также рисуют в сознании читателя внутреннее устройство храма.

В подтверждение мысли о том, что Светлана – истинная христианка, можно привести строки: «Вот перекрестилась/ В дверь с молитвою стучит...». Перед тем как войти в неизвестное место, Светлана накладывает на себя крестное знамение, тем самым доверяя свою судьбу Богу. Действия Светланы бессознательны, а не рациональны, поэтому глубоко религиозны. Эта мысль подтверждается в строках: «Пред иконой пала в прах, / Спасу помолилась». В Светлане нет гордыни, она искренне падает пред иконой и всей душой предается молитве.

Баллада «Светлана», как и «Сельское кладбище», сохраняет внешнюю религиозную форму – описание внутреннего убранства храма, икон. По своей внутренней, смысловой форме «Светлана» тоже является религиозным произведением, так как лирическая героиня – истинная христианка, несмотря на то, что совершает тяжкий грех – гадание в один из великих праздников, но каждый человек грешен, чист лишь Господь Бог. Исходя из этого, образ Светланы становится более естественным, человеческим, ведь человек без греха – недостижимый идеал.

Таким образом, проанализировав два лирических произведения В.А. Жуковского «Сельское кладбище» и «Светлана», мы можем сделать следующий вывод: элегия и баллада имеют очевидно заданную религиозную тему – слова, отражающие христианское мировоззрение, символы, имеющие религиозное содержание. Но если элегия «Сельское кладбище» носит лишь внешне религиозную форму, то «Светлана» – поистине глубоко религиозное переживание. Несмотря на языческий обычай – гадание, главная героиня не только говорит, но и мыслит искренне, без притворства и фальши.

2.3. Лирика Пушкина: нравственная проблематика и духовные искания

«Благослови, поэт!», – так писал Александр Сергеевич Пушкин в своем стихотворении «К Жуковскому». Поэтому совершенно закономерно, что после изучения биографии и поэтического творчества В.А. Жуковского мы обращаемся к лирическим произведениям Пушкина, который признавал себя учеником Жуковского.

Прежде чем проводить филологический анализ лирических произведений А.С. Пушкина в религиозном аспекте, необходимо «узнать душу» поэта настолько, насколько это возможно в современных условиях: «Особенно трудно воссоздать и правильно представить личность человека отдаленной эпохи, то есть историческую личность» [Андреев 2016; 12]. Для получения достоверных сведений используются строго документированная биография, автобиографические записи и дневники.

Для того, чтобы изучить духовный путь А.С. Пушкина, мы обратимся к сборнику очерков по истории русской литературы «Русские писатели XIX века», автором которых является русский философ, литературовед и церковный историк И.М. Андреев (Андреевский).

И.М. Андреев рассматривает дату рождения А.С. Пушкина как некий символ – 26 мая 1799 года, четверг – день праздника Вознесения Господня. Знаковым здесь является тот факт, что именно с Пушкина начинается

небывалый подъем в развитии русской литературы. Поэт стремился вознести свои творения до идеала, который в его представлении являл собой триединый образ Истины, Добра и Красоты.

В вопросе о воспитании поэта Андреев И.М. отмечает особую роль бабушки А.С. Пушкина, Марии Алексеевны Ганнибал, и диакона о. Александра Беликова, преподававшего отроку Пушкину Закон Божий, а также няни Арины Родионовны. Именно бабушка и няня учили юного Пушкина молитве, в стихотворении «Сон» (1816 г.) поэт вспоминает, как крестили его самого: «Она, духов молитвой уклоня,/ С усердием перекрестит меня».

Лицей же не смог дать полноценного религиозного воспитания, открыть юному поэту самое главное – общение с Богом. Вспоминая лицейские годы, Пушкин говорит: «Проклятое мое воспитание». Лицейский период поэтического творчества Пушкина можно охарактеризовать как ученический, как пробу сил и искание поэтических форм, и того состояния, которое позднее он назовет божественным вдохновением.

Свою смерть поэт принимает как настоящий христианин, чему свидетелями были самые близкие люди Пушкина, такие как Жуковский, Вяземский, Тургенев и Карамзина, вдова известного русского историка и близкий друг поэта. После кончины А.С. Пушкина явилась беседа Преосвященнейшего Никанора, архиепископа Херсонского, которая была напечатана в журнале «Душеполезное чтение» за 1899г, часть 2-я, в которой о поэте было написано следующее: «Это был сын Отца Небесного, как и все мы, но сын особенно любимый, потому что необычайно одаренный».

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что не только творчество, но и духовный путь Пушкина, его место как в литературе, так и в жизни русского народа интересовали многих исследователей, в том числе А.М. Панченко. В своей статье «Русский поэт, или мирская святость как религиозно-культурная проблема» Панченко пытается понять, почему же такая фигура как поэт, в том числе А.С. Пушкин, стоит так высоко в глазах народа.

«Нигде так не мучают поэтов при жизни и так не чтут после смерти, как в России», - так пишет в своей статье Панченко. Исследователь отмечает, что ни в Германии, ни во Франции и нигде на рациональном Западе так не обращаются с насущными вопросами к поэзии, как в России.

Пытаясь разобраться в этой русской особенности, Панченко выдвигает тезис о том, что народу всегда хочется омыть от греха поэта, сделать его мучеником. В качестве примера приводится дуэль Пушкина с Дантесом, несмотря на то, что дуэль – богопротивное дело, народ пытается оправдать Пушкина, не желает признавать, что тот пал в равном бою, хочет сделать его кончину праведною. Смерть Пушкина рассматривается здесь как гибель от рук палачей.

Еще одно положение, которое выдвигает Панченко – это особое внимание к смерти поэтов, что является некой русской культурной привычкой.

Рождается вопрос, почему же такое высокое положение в глазах народа занимает поэт? С точки зрения православного человека, роль учителя и воспитателя всегда принадлежала Церкви. Поэт – новая фигура, которой по праву ее существования свойственна роль учителя. Поэт может быть пророком, поэт может знать то, что происходит в душе читателя, даже не будучи знакомым с ним. Истории литературы известны случаи, когда в своих произведениях поэт угадывал то, что происходило лишь через несколько лет после написания произведения. Поэзия – божественный дар, так как сам Господь Бог заложил в человека по своему подобию способность к творчеству. Выходит, что народ свободно и самостоятельно пришел к этому знанию, так открывается историческое призвание поэта в жизни народа.

Одной из причин такого отношения народа к поэту историки литературы видит в том, что поэт опирается на общественное мнение, эту закономерность хорошо понимал, например, Феофан Прокопович и другие идеологи времен императрицы Анны Иоанновны. Общество же воспринимало поэта как «заместителя» пастыря или же нового пастыря, однако власть видела в таком

мировоззрению угрозу. Несмотря на все сложности и перипетии, фигура поэта не потеряла своего влияния, а лишь укрепила его в сознании народа.

Начиная разговор о духовной лирике А.С. Пушкина, мы вспоминаем стихотворение «Пророк» (1828 г.), которое начинается со слов: «Духовной жаждою томим». С первой же строки читатель понимает, что перед ним серьезное, глубокое, пронизанное христианской мыслью произведение.

Творения Отцов Церкви, как известно, создавались под влиянием Духа Святого и тогда рождались важнейшие для каждого христианина книги, писания и предания. В стихотворении Пушкина «шестикрылый серафим / На перепутье мне явился». Никто не может сказать достоверно, создавалось ли данное произведение в состоянии вдохновения, или же действительно в следствие напряженной работы душевных сил поэта его коснулся Дух Святой, но ведь и вдохновение – дар Божий, вдох Бога, «Дух, идеже хошет, дышет, и глас его слышиши, но не веси, откуда приходит и камо идет; тако есть всяк рожденный от Духа» Ин. [3:8] (Евангелие от Иоанна 3:8), что означает Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит: так бывает со всяким, рожденным от Духа. Слова из Евангелия – самые авторитетные для каждого христианина, именно поэтому мы обращаемся к ним за поиском ответов на свои вопросы.

В процессе осмысления статьи А.М. Панченко нами была затронута тема пророческого начала в поэте, его некий дар предвидения, и ничто не сможет подтвердить данный тезис так, как строки А.С. Пушкина из стихотворения «Пророк», когда лирический герой слышит глас Бога, взывавшего к нему: «Восстань, пророк, и виждь, и внемли, ... / Глаголом жги сердца людей". Данные строки – подтверждение мысли о том, что истинная поэзия - это христианская поэзия, это служение одновременно и Богу, и народу. Слово для поэта – это служение, великий Божий дар, с помощью которого он воздействует на сердца и ума людей. Ведь как сказал один из героев Ф.М. Достоевского: «Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей» (Дмитрий, «Братья Карамазовы»).

В.С. Непомнящий в своем труде «Лирика Пушкина как духовная биография» писал следующее: «Духовной жаждой томим» - самая точная характеристика пушкинского лирического «я», что еще раз подтверждает наш тезис о том, что в лирике Пушкина нет внешней или внутренней религиозной формы, в ней религиозный дух.

В своем труде исследователь рассматривает духовный путь А.С. Пушкина на протяжении почти всей жизни поэта, начиная с раннелицейского периода (1813-1816), заканчивая вторым семилетием (1823-1830).

Рассматривая творчество Пушкина в период первого семилетия, В.С. Непомнящий отмечает, что если касаться собственно духовной жизни юного поэта, то тут безусловным центром является стихотворение «Безверие».

Несмотря на то, что стихотворение написано по экзаменационному заданию и было прочитано на выпускном экзамене по российской словесности, оно имеет глубокий, духовный, религиозный смысл [Непомнящий 2001; 47].

Непомнящий В.С. подчеркивает, что воспитание в Лицее не отличалось религиозностью, «Закон Божий» был более образовательным предметом, чем духовным, направленным на духовное общение между человеком и Богом. В этот период и рождается стихотворение Пушкина «Безверие», что удивительно для среды, в которой написано произведение, оно не является рассуждением на тему веры, а носит глубокий религиозный характер. Рождается вопрос о том, как удалось Пушкину сохранить в своей душе сакральное, не исказив его?

В своем стихотворении Пушкин не обличает неверие в Бога, так как по совести сам читает себя неверующим, он избирает интонацию снисхождения, жалости к человеку, у которого «Ум ищет божества, а сердце не находит». Но жалость не унижает неверующего, а дает возможность читателям и слушателям увидеть его страдания: «Взгляните — бродит он с увядшею душой». Неверующий в стихотворении Пушкина – это не атеист, доказывающий всем, что Бога нет и быть не может. В произведении изображается трагедия души, потерявшей веру, без которой она просто увядает и затухает, бродит безмолвная в поисках смысла всего сущего.

Глубоко переживающий духовный опыт, Пушкин признает, что его безверие имеет религиозные, а не социально-философские корни, об этом он пишет в своем стихотворении «Бывало в сладком ослепленье...» (1823 г.): «Мое беспечное незнанье/ Лукавый демон возмутил, / И он мое существованье/ С своим навек соединил» [Дарвин 2003; 232]. Демон почти завладевает лирическим героем, но последний остается «по ту сторону» демонизма, о чем говорят следующие строки стихотворения: «Взглянув на мир я взором ясным/ И изумился в тишине/ Ужели он казался мне/ Столь величавым и прекрасным?». Лирический герой шагает навстречу к искусителю, но его душа все еще способна бороться, уже скоро он прозревает и видит демона таким, каким он является на самом деле, и вид его внушает сомнения лирическому герою, выраженные в строках: «Ужели он казался мне/ Столь величавым и прекрасным?». Пушкин осознает масштаб своей духовной ошибки, слепоты, его лирический герой задает вопрос сам себе: «Кого восторженной душой/ Боготворить не устыдился?». Стыд рожден совестью, а совесть - голос Бога в человеке. Получается, что сердце лирического героя еще не отвердело, оно открыто для голоса Бога и готово к борьбе с демоном.

Встреча лирического героя с искусителем происходит также в элегии Пушкина «Демон» (1823г.): «Тогда какой-то злобный гений/ Стал часто посещать меня». И снова мотив искушения пронизывает лирическое произведение, поэт хочет сказать о том, что веру и надежду на высокое всегда будут сопровождать сомнения и искушения, важно лишь то – какой путь выберет лирический герой: будет бороться с демоном или поддастся лукавому, который: «...проведенье искушал;/Он звал прекрасною мечтою; Он вдохновенье презирал». Последний стих подчеркивает авторскую индивидуальность поэта, его особый взгляд на мир, так как по мнению Пушкина вдохновение – есть особое состояние, подаренное Богом для того, чтобы человек уподобился Ему и мог творить, и именно поэтому презрение к вдохновению характерно только для демона.

Спустя несколько лет после создания элегии «Демон» (1823 г.), Пушкин в стихотворении «Ангел» (1827 г.) возвращается к теме искушения и образу лукавого, но уже для того, чтобы показать капитуляцию духа отрицания и сомнения: «Не все я в небе ненавидел, / Не все я в небе презирал» [Дарвин 2003; 233]. Стоит отметить, что даже в названиях двух лирических произведений стоят образы – антагонисты. В душе поэта место демона занял ангел, и тогда начался новый период в духовной лирике А.С. Пушкина.

После периода создания таких стихотворений, как «Безверие», «Бывало в сладком ослепленье...», «Демон» в творчестве А.С. Пушкина наступает период христианского пробуждения, к этому периоду можно отнести создание «каменоостровского» или «евангельского цикла».

Для творчества Пушкина, как лирического (цикл «Подражание Корану», «Песни западных славян»), так и прозаического («Повести Белкина»), свойственно такое явление, как циклизация, об этом говорит в своем фундаментальном исследовании М.Н. Дарвин «Циклизация в творчестве Пушкина». Сама форма цикла носит религиозный характер – в православном богослужении существуют суточный, недельный и годовой круги, или циклы. В «каменноостровском цикле» наиболее глубоко отразились настроения, свойственные духовной лирике А.С. Пушкина в поздний период творчества. Стоит отметить, что сам Пушкин нигде не обозначил границы каменоостровского цикла, это цикл не авторский, а издательский. Однако стихотворения, объединенные в этот цикл, наиболее точно отражают духовное состояние поэта в последние годы жизни.

В историко-филологическом исследовании «И падшего крепит неведомою силой...» Кишенина В.Н. обращается к стихотворению А.С. Пушкина «Отцы пустынноики и жены непорочны», которое стоит первым в «каменноостровском цикле». основополагающей мыслью в данном исследовании является то, что стихотворение Пушкина – это переложение Великопостной молитвы монаха Ефрема Сирина. Исследование Кишениной В.Н. еще раз подтверждает наш тезис о том, что лирические произведения Пушкина пронизаны христианским

духом. В связи с приведенной литературоведческой работой данный тезис сложно оспорить, так как в основу стихотворения положена Великопостная молитва, которая «Во дни печальные Великого поста; / Всех чаще мне приходит на уста», - так говорит лирический герой.

То, о чем в своей молитве просит лирический герой у Бога, есть самые смиренные, кроткие прошения: «Но дай мне зреть мои, о боже, прегрешенья», кому, как не истинному христианину важно видеть свои грехи для того, чтобы пытаться не совершить их более? Но не только прегрешения волнуют лирического героя, он просит: «И дух смирения, терпения, любви/ И целомудрия мне в сердце оживи». Лирический герой не просит ни богатства, ни славы, не признания, напротив, он просит то, что приблизит его к Богу, и просит у самого же Господа Бога, как у единственного своего Спасителя.

Науменко Г.А. в своей исследовательской работе «Молитва («Отцы пустынноики и жены непорочны»)» отмечает, что само стихотворение А.С. Пушкина входит в «евангельский» цикл, что определяет основные темы и мысли произведений этого цикла. Но, как уже отмечалось ранее, в стихотворениях Пушкина важнее формы стоит дух, и именно этим объясняется то, что в основе произведения лежит покаянная молитва, так как покаяние – один их важнейших шагов на пути к Богу [Науменко 2014; 3].

Важно отметить, что молитва пустынноика Ефрема Сирина, созданная в IV веке, и стихотворение Пушкина почти не отличаются по своему лексическому составу, но под пером поэта молитва становится актуальной для XIX века. Пушкин говорит, что по старой канве создает новые узоры, и переложение молитвы Ефрема Сирина служит тому неопровержимым доказательством.

Стихотворения «Каменноостровского цикла» получили новое прочтение в книге Г.М. Седовой (заведующей Мемориальным музеем-квартирой А.С. Пушкина в Санкт-Петербурге, доктором филологических наук) «Ему было за что умирать у Черной речки». В Своем труде Г.М. Седова обращается к стихотворениям, написанным в июне-августе 1836 года и объединенным в каменноостровский цикл, которым он был назван историками русской

литературы, в том числе известным пушкинистом Н.В. Измайловым. Название исследователи объясняют тем, что лето 1836 года поэт провел на даче на Каменном острове, в этот период и были созданы стихотворения, которые были объединены в цикл издателями и литературоведами, а не самим поэтом.

В основу сюжета одного из стихотворений цикла «Как с дерева сорвался предатель ученик» положено самоубийство Иуды – сюжет, непосредственно связанный со Священным Писанием. В своем стихотворении поэт не упоминает молитву Спасителя в Гефсиманском саду, а фокусирует свое внимание на факте предательства Господа Иудой и неотвратимом возмездии, которое ожидает предателя.

В стихотворении поэт использует не просто средства выразительности: эпитеты или метафоры, а слова, наполненные божественной вечной жизнью или вечной адской смертью: «Диявол прилетел, к лицу его приник, / Дхнул жизнь в него, взвился с своей добычей смрадной/ И бросил труп живой в гортань геенны гладной...» Живой труп – это предатель Иуда, когда: «Лобзанием своим насквозь прожег уста» Спасителя. После этого поступка Иуда остается живым физически, но в духовном мире он уже труп, который никогда не познает счастье спасения, его вечный удел – быть «добычей смрадной».

К «каменноостровскому циклу» также принято относить стихотворение «Мирская власть», которое, по мнению исследователей поэзии Пушкина, связано с событиями Страстной недели, и первые строки стихотворения содержат указание на день действия – Великую пятницу. Произведение начинается с библейского сюжета – воспоминания о том, как казнили Спасителя. После этого поэт сразу переходит к современным событиям и говорит о недопустимом вторжении мирской власти в духовный мир человека. В этом удивительный талант Пушкина – соединять прошедшее и настоящее. Поэт сделал молитву Ефрема Сирина актуальной для своей эпохи, практически не изменив ее, а затем связал библейский сюжет с реалиями своего времени в стихотворении «Мирская власть». В этом лирическом произведении поэт

рассказывает о том, как видел караульных у Распятая, задаваясь вопросом: «К чему, скажите мне, хранительная стража? / – Или распятие казенная поклажа, / И вы боитесь воров или мышей?». Такая реакция на увиденное может быть только у глубоко религиозного человека, который понимает, что Спаситель не нуждается в мирской охране, ведь Сам Он и хранит в своих руках души каждого из них, о чем и говорит поэт, называя Иисуса Христа «царем царей».

Лирические произведения А.С. Пушкина пронизаны христианским духом, все образы, мотивы, символы в его стихотворениях – истинно религиозны. Пушкин не ставил перед собой задачу создавать декларативные и риторические произведения, которые лишь по форме являлись бы религиозными (что могло встречаться у В.А. Жуковского), его стихотворения не являются лишь разговором или рассуждением на религиозную тему. Несмотря на то, что в лицейские годы Пушкин получал лишь «формально» религиозное образование, он смог открыть и сохранить в своей душе святыню — подлинный сакральный опыт, ставший источником для вдохновения.

2.4. История души человеческой: религиозные мотивы в лирике М.Ю. Лермонтова

Многогранное творчество М.Ю. Лермонтова всегда являлось предметом пристального внимания историков русской литературы, некоторые аспекты лирики Лермонтова по сей день остаются мало изученными. Осмысление лирических произведений Лермонтова закономерно продолжает понимание творчества А.С. Пушкина, которого так высоко ценил Лермонтов.

Род Лермонтовых – старинный дворянский род шотландского происхождения. Бабушка Лермонтова была его крестной матерью, а мать поэта писала стихи и была глубоко религиозна, именно от нее Лермонтов унаследовал чуткость к поэзии, религиозность и музыкальную одаренность.

Все детство М.Ю. Лермонтов провел в Тарханах – имении своей бабушки, где рано стали развиваться все стороны еще детской души поэта, но вместе с

тем росла и религиозная совесть отрока Лермонтова, ею были проникнуты его лучшие стихотворения, дышащие верой в Бога и любовью.

Религиозные мотивы стали появляться у Лермонтова в его первых творениях. В 1832 году восемнадцатилетний Лермонтов написал стихотворение в прозе, посвященное горам Кавказа. Виды красот Кавказа проникли в самую глубину души поэта. Вдохновляясь необычайными по своей красоте пейзажами, Лермонтов написал следующие слова: «Престолы природы, с которых как дым улетают громовые тучи, кто раз лишь на вершинах Творцу помолился, тот жизнь презирает, хотя в то мгновенье гордился он ею!». И.М. Андреев в своем труде «Русские писатели XIX века» подчеркивает выстраданное религиозно-нравственное мировоззрение Лермонтова. Если Пушкин с радостью говорит о том, что под влиянием божественного вдохновения даже ничтожный человек становится духовно возвышенным, то Лермонтов с грустью отмечает, что божественное вдохновение проходит, и человек снова погружается в былое состояние, забыв небесный огонь.

Особой глубокой грустью звучит стихотворение 1829 года «Молитва». В этом стихотворении Лермонтов обращается к Богу с просьбой и одновременно исповедью: «И не карай меня, молю, / За то, что мрак земли могильной / С ее страстями я люблю, / За то, что редко в душу входит/ Живых речей Твоих струя». Лермонтов осознает в себе пороки, не старается спрятать их перед лицом Бога, а честно признается: «Я, Боже, не тебе молюсь». В этих строках мы можем заметить исповедальное настроение, с которым взывает к Богу лирический герой. Лермонтов перечисляет свои грехи, пороки, помыслы, но в сердце поэта все еще живет надежда на духовное возрождение: «От страшной жажды песнопенья/ Пускай, Творец, освобожусь, / Когда на тесный путь спасенья/ К тебе я снова обращусь». Искреннее признание поэта, выраженное стихом «Я, Боже, не Тебе молюсь», чрезвычайно многозначительно. Свой поэтический дар Лермонтов оценивал, как одержимость, которая препятствует молитвенным настроениям. Это означает, что в душе поэта существует некий раскол, противоречивость, борьба чистой религиозной духовности с мятежной

душевной страстностью. В этой борьбе поэт чувствует, что существует Бог и мир иной как нечто невыразимо прекрасное для человеческой души [Андреев 2016; 128]. Сам факт обращения к Богу с молитвой указывает на то, что душа поэта способна слышать «звук высоких ощущений», заглушаемый «голосом страстей». Лирический герой в стихотворении просит Творца обратить его сердце в камень, чтобы освободить от неутолимой жажды песнопения, только тогда будет возможно обратиться на «тесный пусть спасенья».

В малоизвестном стихотворении Лермонтова «Смерть» (1830 г.) лирический герой вновь обращается к Богу. Герою явился сон, в котором он в процессе полета души над бренным миром нашел свою гробницу. Тело свое он считал единственным другом своей души, ведь именно оно делило с героем все муки и страдания. Он хотел бы вновь почувствовать тепло жизни этого тела, в котором «...кость была уже видна, здесь мясо/ Кусками синее висело...», но закон природы оказался выше. И тут лирический герой приходит в негодование: «Я на Творца роптал, страшась молиться, / И я хотел изречь хули на Небо, / Хотел сказать.../ Но замер голос мой, и я проснулся». Неспроста слово «Небо» написано с заглавной буквы, здесь это не просто обращение к природе, а явно заметный религиозный смысл. Поскольку события происходили во сне лирического героя, мы можем предположить, что чувства, живущие в самом глубоком уголке души поэта, вышли наружу и проявили себя. Именно эти чувства и не позволили лирическому герою «изречь хулы на Небо», потому что в душе поэта все еще идет борьба между чистым религиозным чувством и человеческими пороками.

Лермонтов, как человек остро чувствующий все движения своей души, задумывается о ее судьбе. Об этом поэт пишет в стихотворении «1831 г. Июня 11 дня»: «Как жизнь окончу, где душа моя/ Блуждать осуждена?». Куда перейдет душа в жизни вечную: в рай или ад? Об этом не задумывается атеист, резко отрицающий существование Бога, следовательно, Лермонтов осознает, что рано или поздно он предстанет перед Богом, и только Он решит, где душа поэта

«блуждать осуждена». Эту двойственность и борьбу в своей душе Лермонтов чувствовал чрезвычайно остро всю свою жизнь [Андреев 2016; 146].

Одним из самых глубоких религиозных лирических произведений Лермонтова стало стихотворение «Ангел», написанное в 1831 году. Интересно сравнить то, как оценивает стихотворение светский человек и литературный критик В.Г. Белинский и служитель церкви, митрополит Анастасий. Если Белинский считал стихотворение «Ангел» слабым и детским, то митрополит Анастасий сказал: «Если бы Лермонтов написал только одно это стихотворение, то он заслуживал бы бессмертия». [Андреев 2016; 146].

Стихотворение «Ангел» поэт написал в память о своей матери, но важно отметить, что этот чистый и глубоко религиозный образ вызывает тоску в душе поэта. В стихотворении лирический герой - ангел, который: «О Боге великом он пел, и хвала/ Его непритворна была». Душа поэта тоскует по общению с Богом, она стремится к высокому и чистому. Такой вывод можно сделать, если сравнить два стихотворения: «Ангел» и «Смерть», в котором лирический герой хотел: «...изречь хулы на Небо». Несомненно, здесь наблюдается эволюция, развитие религиозного чувства в душе поэта. Борьба все еще продолжается, но желание быть ближе к Богу становится уже сильнее, ведь: «И звуков небес заменить не могли/ Ей скучные песни земли». Получается, что жажда песнопенья, одолевавшая лирического героя в стихотворении «Смерть», все же отпускает душу поэта, скучные песни земли больше не волнуют своими страстями, тот же мотив мы можем проследить в стихотворении Лермонтова «Унылый колокола звон», в котором особо значительны последние строки: «Кто силится купить страданием своим/ И гордою победой над земным, / Божественной души безбрежную свободу!». Божественная душа здесь не просто эпитет, средство выразительности, это подчеркнутое предназначение, открытые своей души Богу. Путь от «Я, Боже, не Тебе молюсь» до «божественной души» долгий и трудный, но как человек с чутким сердцем и живо откликающейся душой Лермонтов не смог жить без Бога, без поддержки Всевышнего, что видно уже в последних двух приведенных стихотворениях.

Но новое, только что зародившееся религиозное чувство еще слабо и шатко, оно нуждается в поддержке Словом Божиим. Уже скоро в душе Лермонтова вновь появляются сомнения и смятения, снова появляется образ лукавого, искушение которого описал поэт в отрывке «Мой демон», написанном в 1831 году: «И гордый демон не отстанет, / Пока живу я, от меня». Приведенные строки звучат как отчаянье лирического героя, душа которого долгое время боролась за нечто светлое и высокое, но на тяжелом пути борьбы искушения не хотят отступать, они продолжают посягать на еще неокрепшее религиозное чувство. Эту борьбу в своей душе Лермонтов чувствовал очень остро, переживания отразились в строках стихотворения «Бой»: «Сыны небес однажды надо мною/ Слетелися, воздушных два бойца; / Один – серебряной обвешен бахромою, / Другой - в одежде чернеца». В приведенных строках мы можем угадать два традиционных религиозных образа – ангела и демона. То, что поэт называет их «бойцами» доказывает тот факт, что поэт ощущал в своей душе не просто двойственность, а настоящую борьбу. На первый взгляд может показаться, что картина боя ангела с демоном – нечто напряженное, но следующих строках лирический герой рассказывает о том, что образ младого ангела – лишь внешняя беззащитность и слабость, расправив свои крылья, он изверг гром и сразил вражеского демонического коня: «И пал на землю черный конь». Получается, что религиозное чувство вовсе не ослабевает в душе героя, а наоборот крепчает. Ангел, поселившийся в душе лирического героя, уже расправляет крылья, имеет мощь, дарованной Богом силой теперь он может защитить душу поэта.

Эволюция религиозного чувства продолжается, душа поэта делает следующие шаги навстречу Богу, через несколько лет после написания таких стихотворений, как «Мой демон» и «Сон», на свет появляется стихотворение «Я, Матерь Божия» (1837 г.). Лермонтов становится взрослее, человеческие страсти уже не так сильно влияют на юную, еще неокрепшую в религиозном чувстве душу поэта. Если в стихотворении «Смерть» лирический герой находился на грани бездны, «страшась молиться», то в духовно просветленном

стихотворении «Я, Матерь Божия» поэт уже намеренно и благодушно обращается с молитвой к образу Божией Матери: «Я, Матерь Божия, ныне с молитвою/ Пред Твоим образом...», далее Лермонтов называет Ее «Теплой Заступницей», это не просто яркий образ, это истинное отношение лирического героя к Деве Марии, которая дарит поэту утешение. Даже если поэт еще не осмеливается обращаться напрямую к Богу со своей молитвой, то, обратившись к Богородице с искренним прошением, герой делает большой духовной шаг вперед, ведь даже молитва Одигитрия гласит: «Не имама иныя помощи, не имама иныя надежды, разве тебе, Богородице». Заступница рода человеческого утешит душу лирического героя, она окрепнет в своем религиозном чувстве, и тогда он сможет наладить общение с самим Господом Богом.

Всем известное стихотворение М.Ю. Лермонтова «Смерть поэта» является актом благородного негодования, выраженного в тонах высокого религиозно-нравственного пафоса [Андреев 2016; 159]. Стихотворение, написанное Лермонтовым на смерть А.С. Пушкина, быстро распространилось в кругах передовой молодежи в списках, в одном из которых появился эпитафия: «Отмщенье, государь, отмщенье! / Паду к ногам твоим: / Будь справедлив и накажи убийцу, / Чтоб казнь его в позднейшие века / Твой правый суд потомству возвестила, / Чтоб видели злодеи в ней пример». Эпитафия была написана М.Ю. Лермонтовым и рассчитана на внимание самого Государя Императора Николая Павловича. С этим эпитафией стихотворение стало печататься с 1887 года, после того, как были опубликованы материалы по «Делу о непростительных стихах». И.М. Андреев в своем очерке «Русские писатели XIX века» рассказывает о том, что стихотворение «Смерть поэта» и эпитафия к нему претерпевали некоторые редакторские правки в советский период, чтобы размыть явный религиозный смысл лирического произведения.

Так, например, в Академическом издании Собрания сочинений М.Ю. Лермонтова (изд-во Ак. Наук, Москва – Ленинград, 1958 г., том I.), редактором которого был Б.В. Томашевский пропуск эпитафии объясняется тем, что смысл эпитафии находится в противоречии с последующим текстом.

Автографа последних 16 строк заключительной строфы стихотворения «Смерть поэта» не сохранилось, поэтому текст писался по разным спискам. И долгое время 66 строка печаталась так: «Есть грозный суд: он ждет». Но известный библиограф П.А. Ефремов, редактор издания сочинений Лермонтова 1837 г., ссылаясь на товарища Лермонтова А.М. Меринского, видевшего автограф, впервые напечатал эту строку правильно: «Есть Грозный Судия: Он ждет». На примере исправления двух слов мы можем заметить, как сильно поменялся смысл. Для того, чтобы быть уверенным в правильности своего понимания, достаточно обратиться к предыдущей строке этого стихотворения: «Но есть и Божий Суд, наперсники разврата!». Становится очевидным тот факт, что Судия в исправленной строке и есть Бог, ведь и местоимение «Он» написано у Лермонтова с большой буквы, по религиозной традиции, там принято называть только Бога. Явный религиозный смысл обнаруживается и в следующих двух строках приведенного стихотворения: «Он не доступен звону злата, / И мысли и дела Он знает наперед». Никто, кроме Бога, не может знать людские мысли и дела наперед, это осознавал Лермонтов, осознавали и советские редакторы, иначе именно эти слова не подверглись бы правке.

В своей последней незаконченной поэме «Сказка для детей» (1840 г.) рассказывает про некоего «гордого царя», перед которым лирическому герою становилось страшно и «душа тоскою сжималась», здесь явно прослеживается образ лукавого, который преследует поэта в течение всего его жизненного и духовного пути. Но следующие строки звучат как торжество победы святого духа над нечистым: «...-и этот дикий бред/ Преследовал мой разум много лет.../ Но я, расставшись с прочими мечтами, И от него отделался стихами». Несмотря на спокойный и несколько равнодушный тон повествования, можно заметить, что лирический герой обрел душевную гармонию, «дикий бред» больше не терзает сомнениями поэта. Эти строки можно назвать знаменем победы чистого религиозного чувства в борьбе между божественным и нечистым.

Удивительной по глубине своего религиозного чувства стала «Казачья колыбельная», написанная М.Ю. Лермонтовым. Отношения поэта с духовным

миром ярко характеризуют последние строки колыбельной: «Дам тебе я на дорогу/ Образок святой; / Ты его, моляся Богу, / Ставь перед собой». Здесь молитва становится для лирического героя чем-то гармоничным, неотъемлемым для полноценной духовной жизни, этому он хочет научить и малыша, душа которого чутко внимает каждому слову колыбельной.

Полное примирение души Лермонтова с Богом доказывает и тот факт, что после его трагической кончины в его скромном жилище были найдены такие вещи, как четыре иконы и серебряный крестик, вызолоченный, с частями святых мощей. Одна из икон – святого Ивана Воина – была благословением любящей и любимой бабушки поэта.

Выводы

Нами были проанализированы лирические произведения поэтов первой половины XIX века: В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова. Анализируя произведения в религиозно-философском аспекте, мы смогли сделать следующий вывод: религиозная составляющая является художественной доминантой в духовно-философской лирике поэтов.

Поэма В.А. Жуковского «Орлеанская дева» определяется как лиро-эпическое произведение, но лирическая составляющая является основополагающей в поэме, так как произведение носит подчеркнуто религиозный и субъективный характер (Жуковский обращает внимание на внутренний мир героев, их эмоции и переживания). Религиозная составляющая в поэме является фундаментом лирического произведения, так как в основу сюжета положен христианский мотив – общение Иоанны Д'Арк с Богородицей и обещание посвятить свою жизнь делу, к которому героиня была призвана Девой Марией. Провиденциальный смысл поэмы раскрывается в процессе развития сюжета через такие детали, как сны, реплики, свершение предсказаний, явление самой Богородицы к главной героине. На лексическом

уровне встречается множество языковых единиц, которые носят религиозную семантику.

Также лирические произведения Жуковского, такие как элегия «Сельское кладбище» и баллада «Светлана» были проанализированы в религиозно-философском аспекте. В процессе анализа произведений был сформулирован следующий вывод: в религиозной лирике Жуковского происходит столкновение образов двух противоборствующих явление: язычества и христианства. В сельском кладбище наряду с образом Спасителя сосуществуют образы языческих муз, рока, судьбы, что противоречит христианскому вероучению. В основу баллады «Светлана» положен сюжет гадания в Великий праздник Крещения Господня. Несмотря на то, что гадание тяготеет к языческим традициям, пришедшим со времен древней Руси, героиня баллады ведет себя как истинная христианка, это отражается в образе ее мышления и поведения. В балладе «Светлана», как и в элегии «Сельское кладбище» происходит столкновение двух разных религиозных культур: языческая традиция и Великий православный праздник Крещения Господня.

Обращаясь к лирике А.С. Пушкина, мы проанализировали как широко известные лирические произведения, такие как «Пророк», «Отцы пустынноики и жены непорочны», так и мало освещенные стихотворения «Каменноостровского», или «Евангельского цикла». Лирика Пушкина носит глубоко религиозный характер, поэт не стремится создать изящные по своей внешней форме произведения, а обращается к самой сути – содержанию. Именно поэтому Пушкину удалось сделать актуальной для своей эпохи Молитву Ефрема Сирина, написанную в IV веке, создав переложение этой молитвы. Особо было отмечено, что поэт, практически не меняя лексический состав стихотворения, смог создать новое уникальное лирическое произведения. Глубиной религиозного чувства также наполнены стихотворения, написанные Пушкиным в последние годы его жизни и объединенные издателями в «Каменноостровский цикл». В основу стихотворений цикла были положены такие евангельские мотивы, как

предательство Иудой Иисуса Христа, казнь Спасителя, самоубийство Иуды. Душа поэта стремилась к чтению Священного Писания, вследствие чего рождалась истинная духовная лирика.

Мало изученные лирические произведения М.Ю. Лермонтова, такие как «Мой демон», «Сон», «Я, Матерь Божия» и «Смерть» стали предметом нашего пристального рассмотрения. Все лирические произведения Лермонтова, которые носят религиозный характер, являются отражением внутренних переживаний поэта. Проанализировав указанные лирические произведения, мы пришли к следующему выводу: религиозная лирика Лермонтова отражает «историю души» поэта, в ней лирический герой рассказывает о том, как борьба происходила в его душе, как ангел и демон боролись за место в сердце поэта и о том, как постепенно образ демона покидал лирику Лермонтова и вместе с тем оставлял душу поэта, которая обратилась к Богу после долгой внутренней борьбы.

Все лирические произведения В.А. Жуковского, А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова являются отражением авторской индивидуальности поэтов. Проанализировав произведения трех авторов в одном аспекте, мы можем сделать общий вывод: лирические произведения поэтов уникальны, каждое из них носит отпечаток неповторимой авторской индивидуальности, которая выражается в создании образов, подборе средств выразительности и самой лексики. Религиозная составляющая является доминантой духовной лирики каждого поэта, но лирические произведения религиозно-философской тематики имеют неповторимое авторское выражение.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, актуальность изучения лирических произведений поэтов первой половины XIX века в религиозно-философском аспекте не вызывает сомнений, тем самым интерпретация художественных текстов духовного содержания в творчестве В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова определяется герменевтическим методом исследования.

Обзор научной литературы, сделанный в первой главе дипломной работы, позволил определить особенности творческой индивидуальности различных авторов и сформировать теоретико-методологическую базу работы.

Для достижения цели нами были проанализированы поэма В.А. Жуковского «Орлеанская дева», лирика Жуковского, лирические произведения А.С. Пушкина, имеющие евангельское происхождение и связь с христианской традицией, а также духовная лирика М.Ю. Лермонтова.

В поэме В.А. Жуковского «Орлеанская дева» провиденциальный смысл выражается в процессе развития сюжета через такие детали, как реплики, характеристики героев другими героями, сны и явление главной героине Богородицы. В основу сюжета положено непосредственное общение Иоанны Д'Арк с Богородицей, которая призывает главную героиню посвятить себя великому в историческом масштабе делу – спасению Франции. В других лирических произведениях Жуковского, таких как баллада «Светлана» и элегия «Сельское кладбище» мы смогли выявить следующее: христианские мотивы и образ Спасителя могут встречаться в одном произведении с языческими образами, например, музами, роком, судьбой, пришедшими из греческой мифологии. Как известно, христианскому мировоззрению чужды такие языческие образы и обряды, один из которых положен в основу баллады Жуковского «Светлана». Девушка совершает обряд гадания в Великий праздник Крещения Господня, тем самым неосознанно совершая грех, ведь традиции, пришедшие со времен Древней Руси еще не ушли в прошлое. Однако образ

мыслей и поведение лирической героини говорят читателю о том, что грех совершается в неведении, а сама Светлана мыслит как настоящая христианка.

Изучение лирики А.С. Пушкина в религиозно-философском аспекте позволило нам сделать следующий вывод: лирика поэта наполнена христианскими образами и мотивами, которые не всегда можно определить при поверхностном прочтении. Лирические произведения Пушкина «Каменноостровского цикла» требуют пристального изучения, так как в основу сюжетов стихотворений положены евангельские сюжеты. Лирика Пушкина, берущая своё начало из православной традиции, например, переложение молитвы Ефрема Сирина под пером поэта становится актуальной для его эпохи, несмотря на то что сам Пушкин практически не меняет лексического состава стихотворения, а лишь по-новому расставляет акценты в уже существующем тексте. Многогранная религиозная составляющая в лирике Пушкина проявляется в отборе поэтом сюжетов, в создании образов, в обращении к традиционным христианским и православным текстам.

Лирика М.Ю. Лермонтова отражает борьбу внутри души самого поэта. На протяжении всей жизни в душе поэта боролись два взаимоисключающих начала – божественное и дьявольское, что отразилось лирических произведениях «Ангел» и «Мой демон», образы в которых стали ключевыми для понимания душевных исканий Лермонтова. Каждое религиозное чувство получало свое отражение в лирических произведениях, таких как «Молитва», «Смерть», «Ангел», «Унылый колокола звон». Поэзия Лермонтова подчеркнута субъективна, именно поэтому к ней применимо определение «история души человеческой», которое характерно не только для лирического, но и прозаического творчества Лермонтова. Таким образом, религиозные образы и мотивы служат средством выражения душевных исканий лирического героя, склонного к самоанализу и сомнениям.

Итак, мы можем сделать следующий вывод: религиозная составляющая является неотъемлемой частью в лирике поэтов первой половины XIX века. Через обращение к тексту Священного Писания, к текстам православной

традиции поэты выражали самые глубинные свои чувства, духовные искания, делились своими переживаниями с миром. Само происхождение лирики как рода литературы связано с потребностью в выражении человеческих чувств, именно поэтому всякое душевное неотделимо от лирического, а духовное от религиозное, что и соединяет в себе поэзия.

Из всего вышесказанного можно заключить, что цели и задачи исследования нами были выполнены, а положения, выносимые на защиту – доказаны.

Тем не менее изучение лирических произведений В.А. Жуковского, А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова в религиозно-философском аспекте является предварительным результатом и дает импульс для дальнейших исследований.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Жуковский, В.А. Собрание сочинений в 4 т. М.; Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1959 — 1960.
2. Лермонтов, М.Ю., Сочинения в 4 томах, Изд. Академии наук СССР, М.-Л., 1961-1962.
3. Пушкин, А.С. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 2: Стихотворения. Примеч. Т. Цявловской. – Москва: Гослитиздат, 1959. - 799 с.
4. Андреев, И.М. Русские писатели XIX века. – Изд-во : Русский паломник, 2016. – С. 592.
5. Балакшина, Ю.В. Религия и литература: аспекты взаимодействия (на материале русской литературы XIX века) / Ю.В. Балакшина // Сайт: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22263310> – М., 2014. – Текст: электронный.
6. Баханова, А.А., Комлякова, О.В., Белова, А.С. Православие в русской литературе 19 века / А.А. Баханова // Сайт: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43850267> – Тюмень, 2020. Текст: электронный.
7. Бахтин, М.М. Роман и эпос // Сайт: <https://philolog.petrSU.ru/filolog/lit/epospom.pdf> – Текст: электронный.
8. Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового завета. – М. : Издание Моск. Патриархии, 1988. – 1376 с.
9. Буланин, Д.М. Жанна д`Арк в России : исторический образ между литературой и пропагандой / Д. М. Буланин. - Москва ; Санкт-Петербург : Альянс-Архео, 2016. - 718 с.
10. Буслаев, Ф.И. Русские духовные стихи / Русская речь // – Москва, 1861.
11. Веселовский, А.Н. Разыскания в области русского духовного стиха / – СПб., 1880.
12. Ворожбитова, А.А., Истягина, И.В. Лингвориторика «Пророка» А.С. Пушкина и проблема гносеологического синтеза: наука, религия,

философия / Сочи: Научный взгляд в будущее, 2018. Сайт: – <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=34937947>. Текст: электронный.

13. Гидринский, В.И. Творчество Пушкина в интерпретации религиозных мыслителей в контексте проблемы взаимоотношения философии, литературы и религии в русской культуре / М: Вестник православного свято-тихоновского гуманитарного университета, 2012. Сайт: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18411185>. Текст: электронный.

14. Гинзбург, Л.Я. О лирике / Ленинград: Советский писатель, 1974.

15. Григорьян, К.Н. Пушкинская элегия / Ленинград: Наука, 1990.

16. Дарвин, М.Н. Художественная циклизация лирики / – М: ИМЛИ РАН., 2003.

17. Дарвин, М.Н., Тюпа, В.И. Циклизация в творчестве Пушкина: Опыт изучения поэтики конвергентного сознания / – Новосибирск: Наука, 2001.

18. Даренский, В.Ю. Мировоззренческие основы поэтики А.С. Пушкина в анализе С. Франка / Луганск: Вестник удмуртского университета, 2017. Сайт: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32358463>. Текст: электронный.

19. Долгушин, Д.В. В.А. Жуковский и религиозно-философская культура его времени / – Томск, 2019.

20. Достоевский, Ф.М. Ответ «Русскому вестнику» // Достоевский, Ф.М. О русской литературе : сборник / Ф. М. Достоевский; [сост., вступ. статья и коммент. Ю. И. Селезнева]. - Москва : Современник, 1987. - С. 126-130.

21. Дунаев, М.М. Православие и русская литература / Москва: Христиан. лит., 2003. Сайт: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19904227>. Текст: электронный.

22. Дьяконова, А.А. Православие и русская классическая литература: грани соприкосновения / Липецк: Теология: история, проблемы, перспективы., 2019. Сайт: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42368670>. Текст: электронный.

23. Еремичева, Т.М. Русская литература и православие / Программа элективного курса по литературе // М: Образование в современной школе., 2011. Сайт: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17902310>. Текст: электронный.

24. Ильин, А.А., Мартынова, Т.И. Русская литература XIX века / Учебно-методическое пособие // – Тольятти, 2016.
25. Кишенина, В.Н. «И падшего крепит неведомою силой...» Стихотворение А.С. Пушкина «Отцы пустынноики и жены не порочны...». /– М: Литература в школе., 2011. Сайт: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16444327>. Текст: электронный.
26. Коровин, В.И. История русской литературы XIX века. В 3-х частях/ – М: ВЛАДОС., 2005.
27. Кулешов, В.И. История русской литературы XIX века / – М: Изд-во МГУ., 1997.
28. Курбанова, А.М. Религиозная лирика в произведениях русских писателей / – Махачкала: Ислам и исламоведение в современной России., 2019. / Сайт: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41147018>. Текст: электронный.
29. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Рос. акад. наук. Ин-т науч. информ. по обществ. наукам; [гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин]. - Москва: Интелвак, 2001.
30. Лескин, Д. Ю. Метафизика слова и имени в русской религиозно-философской мысли : специальность 09.00.03 "История философии" : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук / Лескин Дмитрий Юрьевич. – Москва, 2007. – 46 с. Сайт: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15838374>. Текст: электронный.
31. Лескин, Д. Спор великих каппадокийцев и Евномия о границах богопознания и его рецепция в русской философии XX века / Д. Лескин // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. – 2009. – Т. 27. – № 3. – С. 87-98. Сайт: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18184823>. Текст: электронный.
32. Лотман, Ю.М. Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя: пособие для учащихся. / Ю.М. Лотман – Ленинград : Просвещение, 1981. – 250с.

33. Маджуров, Н. Поэзия и религия в мировоззрении Александра Пушкина / – М: Культурология, 2009. Сайт: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=12903938>. Текст: электронный.
34. Меньшикова, А.А. Традиции религиозной философии в творчестве В.А. Жуковского / – Тамбов: Грамота, 2015. Сайт: <https://www.gramota.net/materials/2/2015/8-3/38.html>. Текст: электронный.
35. Михайлов, А.В. Избранное. Историческая поэтика и герменевтика / Александр Михайлов. - Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2006. – 557 с.
36. Науменко, Г.А. Молитва («Отцы пустынники и жены непорочны...») / – М., 2014. Сайт: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22293949>. Текст: электронный.
37. Непомнящий, В.С. Лирика Пушкина как духовная биография / – Изд-во Московского университета., 2001.
38. Непомнящий, В.С. Поэзия и судьба: Над страницам духовной биографии Пушкина /– М., 1987.
39. Новикова, М. Пушкинский космос. Языческая и христианская традиции в творчестве Пушкина / – М: Наследие., 1995.
40. Панченко, А.М. Русский поэт, или мирская святость как религиозно-культурная проблема / – ИРЛИ РАН., 2007. Сайт: <http://panchenko.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=2338>. Текст: электронный.
41. Парецкая, М.Э. Христианская составляющая русской классической литературы / – М: Национальная ассоциация ученых., 2015. Сайт: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29233082>. Текст: электронный.
42. Ранчин, А. М. Духовные стихи / Литературная энциклопедия терминов и понятий // Гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. М., Интелвак, 2001.
43. Сквозников, В.Д. Лирический род литературы / – М: ИМЛИ РАН., 2003.
44. Словарь литературоведческих терминов. - М., 1974.

45. Стрижёв, А.Н. Христианство и русская литература: Сборник статей. – СПб, 1994.
46. Сычева, Е.А., Фокина А.Д. Религиозный спор М.Ю. Лермонтова / – Северо-кавказский федеральный университет: Гуманитарные научные исследования., 2015. Сайт: : <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24101343>. Текст: электронный.
47. Терешкина, Д.Б. А.С. Пушкин и православие: избранные страницы жизни и творчества поэта / – Арзамас., 2019. Сайт: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41508505>. Текст: электронный.
48. Томашевский, Б.В. О стихе: статьи / Б.В. Томашевский. - Ленинград: Прибой, 1929. – 326 с.
49. Хализев, В. Е. Теория литературы : учебник / В.Е. Хализев. – [4-е изд., испр. и доп]. – Москва: Высшая школа, 2004. – 405 с.
50. Эгеберг, Э. Пророк у Пушкина и Лермонтова / – Петрозаводск: Проблемы исторической поэтики., 2001. Сайт: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21155207>. Текст: электронный.
51. Юрина, Н.Г. Личность и творчество А.С. Пушкина в осмыслении русской религиозно-философской критики рубежа XIX-XX веков / – Арзамас: Православие и русская литература, 2019. Сайт: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41456475>. Текст: электронный.